

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ЦИНЬЕН- ПОРА ЦВЕТЕНИЯ

青春

СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Современная проза (Четыре Четверти)

Александр Сегень

Циньен – пора цветения

«Четыре четверти»

2025

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Сегень А. Ю.

Циньен – пора цветения / А. Ю. Сегень — «Четыре четверти»,
2025 — (Современная проза (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-770-4

В Елизавету, дочь русского эмигранта генерала Донского, бежавшую в Шанхай, спасаясь от ужасов Гражданской войны, влюбился молодой китайский коммунист Ронг Мяо, прибывший в город для участия в учредительном съезде Китайской коммунистической партии. Перед читателем разворачивается пронзительная история любви. Ронг и Лиза вместе уезжают в Париж, где им предстоит встретиться с другими эмигрантами из России — Иваном Буниным, Алексеем Толстым, Надеждой Тэффи. По трагической случайности Лиза погибает. Ронг сделает блестящую карьеру, станет правой рукой Мао Цзэдуна, но навсегда останется пленником памяти. «Циньен» — пора цветения, молодости, любви — станет его самой светлой и самой болезненной тайной.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-770-4

© Сегень А. Ю., 2025
© Четыре четверти, 2025

Александр Сегень

Циньен – пора цветения

© Сегень А. Ю., 2025

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2025

* * *

– Вечной любви, господа, не бывает! Поэтому и пить за нее я не намерен, увольте, – говорил, выходя на палубу большого парохода «Речная красавица», совсем еще молодой русский офицер Самсонов, явно считающий себя хорошо пожившим и все познавшим человеком.

Обращался он со своей речью к трем другим русским офицерам, также, как и он, одетым в штатское платье – пиджаки, брюки, сорочки, галстуки, шляпы. И лишь выправка легко выдавала во всех этих людях военную косточку. Все они были изрядно навеселе, и пьянее других – Самсонов, которого заметно пошатывало.

Шесть лет назад в Петрограде, тогда еще Петербурге, он окончил Михайловское артиллерийское училище и первым делом познал горечь отступления из Брест-Литовска, потом – безуспешную Барановичскую операцию, получил ранение, валялся в госпиталях, рвался снова на фронт, но драться вскоре пришлось уже не с немцами, а со своими. Шел с Корниловым на Петроград, после победы большевиков осенью 1917 года отказался выступить на защиту Временного правительства, бежал в Гельсингфорс, вступил в армию Юденича, кормил вшей в эстонских бараках, а после неудачного нового похода на Петроград решил искать военного счастья за Уралом и попал к Колчаку в то самое время, когда того уже били и гнали вглубь Сибири. Принял участие в Сибирском Ледяном походе, оставившем на его щеках темные следы обморожений, а после гибели Колчака вместе с остатками его армии отступал до самой Манчжурии.

И вот теперь он плыл по главной китайской реке на пароходе и, пьяный, рассуждал о природе любви:

– Имел, господа, практические занятия. Сначала мы горим и пылаем, кричим, что, наконец-то, идеал найден, но – месяц, другой, от силы третий – и мы уже зеваем и шепчем себе под нос: «Будь проклята эта любовь!» Далее – пошлое однообразие очередного расставания, слезы, слюни... Короче, так.

Четверо китайцев разного возраста, также одетых в европейские костюмы, недорогие, но опрятные, разных оттенков серого, с неприязнью покосились на пьяных русских, но пока ничего о них не сказали, охваченные лирическим настроением, вызванным красотами природы, распахнувшимися перед ними в это прекрасное июльское утро.

«Речная красавица» своей белоснежной грудью величественно рассекала волны реки Янцзы в ее широком течении на полпути между Нанкином и Шанхаем. И что там какие-то пьяные русские иммигранты – слишком большая честь обращать на них свое внимание, устремленное к возвышенному. Дул ветер, по реке ребрами бежали волны.

Самый старший, сорокапятилетний Хэ Шухэн, выделялся среди своих товарищей пышными усами, и прозвище у него было Усатый. Он изображал из себя солидного профессора, при котором путешествовали ассистент и двое студентов, один – младшего курса, другой – самого старшего.

– Стихотворец! Прочти что-нибудь из своих стихов под стать мгновению, – обратился Усатый к «ассистенту», который давно уже слыл хорошим поэтом.

Двадцатисемилетний сочинитель выделялся среди своих спутников гордой осанкой и высоким ростом – под метр восемьдесят, тогда как другие были чуть выше метра семидесяти. Его звали Мао Цзэдун, что означало – «тот, кто благодетельствует Восток», а если совсем

чуть-чуть изменить иероглиф «дун», то будет не «Восток», а более глобально – «всех живущих».

Выпрямившись во весь рост, Мао в свойственной ему поющей манере прочитал-пропел одно из лучших своих стихотворений:

Хоть ветер дует и волны пошли,
Сень сада на суше меня не влечёт...
Конфуций сказал: «Всё в мире течёт»,
Как струи реки этой вечно текли.

– Красиво! – восхитился Ронг, по фамилии Мяо и по прозвищу Тигрёнок, что по-китайски – Сяо Лаоху. – Только я бы по-другому сочинил: «чтоб струи любви в жизни вечно текли».

Мин Ли, знаток Конфуция и носивший среди товарищей прозвище Конфуций, хлопнул Ронга по плечу:

– Что ты понимаешь в стихах, малыш!

Мин был на целых два года старше Тигрёнка. Тому двадцать один, этому – двадцать три.

– Нет, он прав, так тоже хорошо. Струи любви... – защитил Мяо Ронга поэт.

– Тоскуешь по своей Зорюшке? – спросил поэта Усатый.

– Закончим наши дела в Шанхае – с нетерпением полечу к ней, – решительно ответил Мао.

– А как же твоя первая законная жена? – спросил Мин.

– Не говори мне о Ло! – поморщился Мао, с отвращением вспоминая, как, когда ему исполнилось четырнадцать лет, отец решил женить его на троюродной сестре по имени Ло Игу. В день свадьбы жених попросту сбежал из родного дома и полгода жил в Шаошани у одного своего знакомого студента. – Я никогда не любил ее. Родители заставили. Конечно, многие скажут, что сейчас, после смерти отца и матери, я обязан уважать их волю... Но теперь не те времена, чтобы жить с нелюбимой ради уважения к усопшим родителям!

– Хочешь сказать, что любовь выше, чем уважение к отцу и матери? – спросил Ронг.

– Любовь выше всего, выше неба, – ответил поэт и, задумавшись, добавил: – Или она и есть небо.

Тем временем четверо русских, стоявшие неподалеку от четырех китайцев, тоже поддались лирическому настроению.

– Чем вам не Волга, господа! – воскликнул пьяный Самсонов.

Двадцатисемилетний Арнольд Гроссе, племянник Виктора Фёдоровича Гроссе – генерального консула Российской империи в Шанхае, самый трезвый из всех четверых, красивым голосом пропел:

– Волга, Волга, мать родная, Волга – русская река...

– Штабс-капитан Гроссе, а то же самое по-немецки можете? – спросил его тридцатипятилетний полковник Борис Трубецкой, приходившийся Арнольду троюродным братом.

В своей компании он выглядел наиболее подтянуто, был чисто выбрит, причесан. Изящно посеребрённые виски придавали его внешнему лоску особый шик.

– Да запросто! – ответил штабс-капитан и не менее красиво пропел: – Wolga, Wolga, Mutter Wolga, Wolga – unser russischer Fluss...

– Вот ведь этот наш русский фольклор, – поморщился Трубецкой. – Самая любимая в народе песня – и о ком, господа? О лютом разбойнике Стеньке Разине, который по существу был пират, убийца, грабитель. Астраханского епископа живьем сжег, когда тот отказался признать в нем царя. Хорошо ли это? Не говорит ли это о том, что народ наш в душе своей тоже разбойник, убийца и грабитель?

– Конечно, говорит! – согласился Самсонов. – Возьмите хоть меня, к примеру. Я чистой воды разбойник и плут и ни от кого не скрываю, что я такой.

– И что вы, княжну тоже бы? – спросил Гроссе.

– Запросто! Где там княжна? Эй! Подайте княжну! – Самсонов стал оглядываться, будто в поисках официанта, призванного принести ему персидскую красавицу на подносе. – Не видала такого подарка эта желтая река.

– Нет, княжну жалко, – сухо засмеялся Трубецкой. – Она, поди, была хорошенькая. А этот варвар...

Все как-то разом притихли, глядя на проплывающие мимо берега с муравейниками бедных селений, с многочисленными джонками, прилепленными к прибрежьям, а поручик Лопаткин, самый из всех грустный, промолвил:

– Волга! Никогда нам ее не видать больше!

В отличие от Трубецкого и Гроссе, он не блистал происхождением. Здесь, в Китае, его ждало, скорее всего, скудное существование, а тоска по потерянной Родине сверлила Лопаткина, как проникающее ранение.

– Невелика потеря! Чем вам Янцзы хуже? – хлопнул его по плечу Трубецкой.

– Тем, что она – Янцзы, – ответил поручик.

Все посмотрели на него, вздохнули, а Самсонов крикнул, будто ему чем-то острым ткнули под ребра:

– Довольно! Пойдемте еще кутить, господа! Я трезвею, а это уже полное свинство.

Четверо китайцев поморщились, глядя на шумную компанию иностранцев. В последнее время в Поднебесной все чаще можно было встретить выходцев из России, грустных, потерянных, злых и чаще всего – нетрезвых.

– Эти русские офицеры уже в Нанкине сели на пароход пьяными, – с укором произнес Мао.

– Как ты определил, что они офицеры? – спросил Тигрёнок.

– По выправке видно. И по поведению, – ответил поэт, всегда все точно подмечающий.

– Скоро их много будет у нас в Китае, – проворчал Усатый Хэ. – Ленин разгромил контрреволюцию по всей России. Остался последний оплот во Владивостоке.

– Но и там им долго не продержаться. Такие вот, как эти, ездят по всему Китаю, убеждают в необходимости противостоять Советской России. Только все напрасно. Их дни сочтены, – произнес свой приговор Мао.

Русские офицеры собрались было уходить, как вдруг все тот же Самсонов притормозил:

– Пойдите, господа! Гляньте-ка вон на того китаеза! – Он кивнул в сторону Усатого Хэ. – Сдается мне, я видел его среди краснопузой сволочи в боях под Читой.

– Самсонов, как ты можешь отличить одного китайца от другого? – спросил Лопаткин. – Они же все на одно лицо.

– Они, между прочим, о нас такого же мнения, – усмехнулся Трубецкой.

– А мне лично плевать на их мнение, – заявил Самсонов. – Не пойти ли посчитать зубки вон той подозрительной роте?

– Еще чего не хватало! Вам бы, подпоручик, не мешало проспаться. Завтра прибываем в Шанхай, – строго пресекал полковник возможные действия драчуна.

– Нет-нет, господа! Сначала – нарезать, а уж потом – проспаться, – ответил Самсонов и, уходя с палубы парохода следом за своими спутниками, с затаенной ненавистью посмотрел на Усатого: мол, вот только рыпнись – и я из тебя отбивную сделаю, а потом – как ту княжну.

Вскоре он уже сидел за столиком и, произнеся очередной тост за Россию, ревел:

– Выпьем чарку удалую за помин ее души!

* * *

Вечером того же дня обе компании оказались на корме «Речной красавицы» за столиками ресторана под открытым небом. Пламенел закат, приятный ветерок обдувал лица. Не совсем молодая, но все еще сказочно красивая певица в черном вечернем платье с блестками и с перьями фазана в смоляной высокой прическе пела песню, какие были в моде в Шанхае в начале XX века – некое смешение китайского и европейского эстрадного пения. Ей подыгрывал небольшой оркестр из четырех исполнителей – пианино, янцзинь, баньху и флейта.

На корме расположились шесть столиков. За одним Мао, Хэ и Мин распивали одну на всех бутылку легкого винца. За другим, уставленным бутылками и закусками, восседали важные Трубецкой и Гроссе, грустный Лопаткин и буйный Самсонов, успевший за сегодня дважды нарезать, дважды проспать и теперь снова напивавшийся. За третьим столиком расположились две испуганного вида молодые француженки, припильенные к своим чашечкам кофе. Тигрёнок Мяо подсел к ним и ненавязчиво охмурил обеих. Один столик пустовал, а еще за двумя столиками сидели мужчины-китайцы в европейских костюмах. Они с особенным трепетом слушали красивую и грустную песню Лули. В отличие от мнимого профессора, на лице у которого застыло явное недовольство.

– На каком языке она поет? – спросил Усатый Хэ гневно.

– Разве не на китайском? – удивился Мин, в отличие от старшего товарища, слушающий певицу с нескрываемым восторгом.

– А по-моему, ее китайский как-то не по-китайски звучит, – возразил Усатый.

– Есть такое ощущение, – кивнул поэт Мао. – Выслуживаются перед европейцами, скоро вообще по-английски да по-французски петь станут. Хотя нельзя не признать, что поет очень красиво.

– По-моему, так очень и очень! – воскликнул Мин.

– А эти опять нажираются! – перевел Хэ свое недовольство на русских. – Свиньи!

Иммигранты пили, давно уже забыв о тостах и о том, что надо чокаться. При этом Трубецкой пребывал отчего-то в прекрасном расположении духа, на лице у Гроссе играла ирония, Лопаткин изнывал от тоски, а Самсонов – от злости, толкавшей его под локоть – ну когда же драка?!

– Я не понимаю: это народная песня или какая? – спросил он, слушая дивную певицу.

– По-моему, просто красиво поет, а до остального мне нет дела, – сказал Трубецкой.

– По-моему, полковник, вам вообще ни до чего нет дела, – мрачно промолвил Лопаткин. – Россия летит в тартарары, а вы находите удовольствие, слушая эту...

– Эту китайскую красавицу, – зло и весело сказал Трубецкой. – Что мне за дело до России? Если ей до меня нет дела. Если она вышвырнула меня. Я обожал свое Отечество, был как никто предан ему, а оно... Начните жизнь сначала, господа белогвардейцы. Была жизнь русская, теперь будет китайская. Чем плохо?

– Конечно, когда у некоторых денег куры не клюют! – хмыкнул Самсонов.

– Подпоручик! Не стыдно? – укорил его Арнольд.

– А чего мне стыдиться? Что у меня нет таких деньжищ, как у вас? Да еще не даете мне кулаки почесать об эти азиатские морды!..

– Янцзы... – Лопаткин опрокинул очередной стаканчик. – Головой бы в эту Янцзы...

– И найти в ней «концзы», – засмеялся Трубецкой.

– Подумаешь, жена нашла себе большевичка! Не горюй, Лопаткин! – Гроссе хлопнул поручика по плечу. – Мы тебе китаяночку найдем. Хочешь, с этой певичкой договоримся?

– Ну уж нет! – возмутился полковник. – На нее я глаз положил. Вам же не нравится, как она поет, а мне так очень по душе. – И Трубецкой послал певице воздушный поцелуй.

Певица из вежливости ответила ему улыбкой. Но ее глаз черным агатом сверкал в сторону молодого красавчика, непринужденно щебетавшего с француженками на их родном языке. Закончив грустную песню, певица выслушала аплодисменты и запела легкую и задиристую – о том, как молодой англичанин хочет соблазнить юную китайянку, но сам попадет в ее сети, ничего не получит, уедет в свою Англию и будет долго с тоской вспоминать ту, в которую влюбился в далеком Китае.

– Как хорошо поет эта женщина, – восхитилась одна из француженок.

– Ее зовут Лули, – сказал Ронг.

– А что означает это имя?

– Оно переводится как «влажный жасмин».

– Очень красиво! Влажный жасмин... Откуда вы так хорошо знаете французский?

– Я вырос в Париже. Мой отец – владелец ресторана на Монмартре.

– Вот как? А мы из Марселя... А на какой улице ваш ресторан?

– Прямо возле площади Тертр. Там, где недавно построили огромный собор.

– Сакре-Кёр?

– Совершенно верно. И после пресного причастия прихожане спешат в ресторан моего папаши поесть чего-нибудь повкуснее.

Француженки, будучи явно не из тех, кто рьяно причащается, весело рассмеялись. Тигренок тем временем незаметно от них подмигнул певице. Та мгновенно откликнулась юноше ласковой улыбкой.

В это время Мао, Хэ и Мин все вместе посмотрели на Ронга.

– Похоже, наш парижанин готов охмурить этих французских дурочек, – сказал Мао.

– И певичку в придачу, – недовольно проворчал Хэ.

– Да уж, малыш пользуется успехом у женщин, – с нескрываемой завистью произнес Мин.

– Завидуешь? – засмеялся Мао.

– Вовсе нет. Думаю, Ронг поделится со мной одной из двух.

– Ну и нравы! – возмутился Хэ.

– Да ладно тебе, Усатый! Будто сам в юности не был таким, – весело похлопал его по плечу поэт.

– Я? Ну уж нет...

Мао толкнул его под бок:

– Не ври, Хэ! Признавайся, бегал за каждой юбкой?

Хэ пуце прежнего рассердился, раздул свои пышные усы, но вдруг – рассмеялся:

– Еще бы не бегать! По молодости-то! На то она и молодость.

– Надо бы еще чего-нибудь заказать. Усатый Хэ, не жадничай! – сказал Мао. – Ведь ты же у нас богатый профессор! Мы не должны вызывать подозрений. Давай заказывай!

– На этой корме я кормчий. Когда ты будешь кормчим, тогда и приказывай.

За столиком русских Лопаткину стало совсем худо:

– Тошно мне, господа! Пойду пройдуся...

Он встал, медленно покинул корму парохода, побрел вдоль бортика. Музыка и пение стали удаляться от него, потом где-то вдалеке снова раздались рукоплескания. Он остановился и принялся с тоской смотреть, как впереди парохода гаснет прощальный луч китайского заката.

– Волга... Янцзы... Пропади все пропадом!

Усатый не сильно расщедрился, заказал всего лишь еще полбутылки вина и вскоре уже расплачивался с официантом. Мао, Мин и Хэ покидали ресторанчик, бросая смешливые взгляды на Ронга, который продолжал развлекать своей болтовней глупеньких француженок, одновременно ревниво поглядывая на Лули, которую Трубецкой пригласил за свой столик. Этот русский с хозяйским видом, будто ему принадлежит если не весь Китай, то, по крайней

мере, бассейн реки Янцзы, провел певицу под локоть, усадил за столик, сам налил ей шампанское:

– Parlez-vous français? Do you speak English? Sprechen Sie Deutsch?

Она отвечала, что говорит и по-французски, и по-английски, и даже немного по-немецки. Трубецкой заговорил с ней по-французски:

– Я никогда не слышал ничего более божественного, чем ваше пение. Позвольте поинтересоваться, как вас зовут?

– Лули.

– Какое волнующее и прекрасное имя. Оно похоже на лепесток сладкой розы, лежащий на языке. Господа, давайте выпьем за здоровье этой прекраснейшей женщины, подарившей нам сказочные минуты наслаждения от ее непередаваемо чудесного пения.

– Птица Сири́н! – сказал Самсонов, чокаясь своим бокалом о бокал певицы. – Где там Лопаткин? Еще свалится за борт в своей дурацкой тоске.

В тот же миг вдалеке прозвучал выстрел.

– О, я же говорил! Лопаткин застрелился! – хмыкнул Самсонов.

– Типун тебе на язык, подпоручик! – возмутился Гроссе.

– На язык лучше лепесток розы, – ответил Самсонов. – Лепесток сладкой розы, – добавил он, шаржируя слова Трубецкого.

– Меня зовут Борис. Скажите, а вы поете только по-китайски? – продолжал полковник нежным голосом очаровывать певицу. – Знаете ли вы французские песни?

– Да, и немало, – ответила Лули. – Но мне больше нравятся песни на моем родном языке. Я считаю его самым красивым.

Пока Лули отдыхала за столиком русских, музыканты развлекали публику игрой на своих инструментах. Вдруг на палубе появился капитан парохода. Вид его не предвещал ничего радостного.

Он приблизился к Трубецкому, наклонился к его уху и сообщил по-английски:

– Простите, что нарушаю ваш отдых, но матрос видел, как один из вашей компании застрелился из пистолета и упал за борт нашего судна.

– Проклятие! – воскликнул Трубецкой, вскакивая. – Господа, Лопаткин застрелился!

– Я же говорил, – усмехнулся Самсонов, но тотчас до его пьяного сознания дошло, что здесь не водевиль, а трагедия: – Что вы сказали? Как застрелился?!

– Мер-р-р-з-з-завец! – негодовал полковник по поводу самоубийства поручика.

Вечер был безнадежно испорчен.

* * *

Суэта вокруг гибели Лопаткина продолжалась часа три. Расспросы, охи и вздохи, сожаления по поводу страшного и при этом глупого поступка горестного поручика, фамилия которого почему-то показалась смешной одному из китайцев, нападение на наглеца жаждущего избить его Самсонова, потом заглаживание этого еще одного инцидента...

Лишь через три часа Трубецкой, вызнав, наконец, где ночует певица, постучался в дверь ее каюты. Молчание. Он постучался еще раз, решительнее прежнего. Ему никто не ответил.

Тем временем в кровати Лули все было в самом разгаре, и стук лишь на пару мгновений прервал течение реки наслаждений.

– Тихо. Нас нет. Мы спим, – сказала певица со смехом.

– Конечно, нас нет, это не мы, и эти «не мы» спят, и все это им только снится, – тоже смеясь, ответил Ронг.

В дверь продолжали настойчиво стучаться. Наконец, когда надоело, русский полковник снова выругался в адрес Лопаткина, столь некстати решившего свести счеты со своей неудавшейся жизнью:

– Мер-р-р-з-з-завец!

Отдыхая от любовных дел, Тигрёнок с облегчением произнес:

– Кажется, нас оставили в покое.

– Я думаю, это тот русский по имени Борис, – сказала Лули. – Возомнил, что невероятно хорош собой и я захочу после одного бокала шампанского провести с ним ночь.

– К тебе, наверное, часто пристают.

– Случается. Ненавижу это! Особенно проклятые иностранцы. Считают – раз всем поет, значит, всем дает. Наши китайцы куда более скромны и воспитаны. А эти негодяи уверены, что каждая понравившаяся им китайка готова... Не хочу даже говорить о них. Тошно.

– А сколько у тебя было любовников?

– Не ожидала от тебя такого бестактного вопроса. А скольких ты привлек своим обаянием, милый мальчик?

– Я первый спросил.

– Не так много, как ты можешь подумать. Не мало, но и не много. Я выбираю только тех, кто мне очень нравится.

– Значит, я очень понравился?

– Ты славный паренек. Такое определение подходит тебе лучше всего. Славный паренек.

– Но я ведь еще и красив?

– Это не главное в мужчине. Мужчина может быть даже уродлив, но иметь мужское очарование. Обаяние, перед которым не любая устоит.

– Я хороший любовник?

– Ты – молодец. Наша вторая ночь, а ты неутомим. Что? Снова? Ну, иди ко мне!

* * *

Двадцать второго июля 1921 года на шанхайской пристани собралось много народу, самого разношерстного – китайцы в национальных и европейских одеждах, англичане, французы, русские, даже немцы и голландцы. Все они махали руками, цветами и шляпами, встречая подплывающую «Речную красавицу». У борта парохода, повернутого в сторону пристани, среди прочих пассажиров стояли неподалеку друг от друга Мао Цзэдун, Хэ Шухэн, Мин Ли, Борис Трубецкой, Арнольд Гроссе, француженки Катрин и Николь.

– Конфуций! Иди-ка вытаскивай своего дружка из объятий певицы, – сказал Мао.

– Пожалуй, пора, – усмехнулся Мин и покинул палубу.

Трубецкой, в отличие от вчерашнего злобно-веселого, теперь пребывал в мрачном расположении духа, злясь на певицу, а еще больше – на самоубийцу:

– Нет, ну каков мерзавец Лопаткин! Так испортить вечер!

– А Самсонов намеревается вставать или нет? – недовольным голосом спросил Арнольд.

– Пойду его будить. Свинство! Еще удивляемся, почему мы просрали большевикам! – выругался полковник и тоже покинул палубу.

– Куда же вчера подевался наш милый китайчонок?.. – сказала с грустью Николь.

– Как думаешь, он все вчера про себя наврал или только частично? – спросила Катрин.

Зная, где сейчас Ронг, Конфуций громко постучался в дверь каюты певицы. Именно в это же время мимо проходил Трубецкой. Он увидел, как распахнулась дверь каюты Лули, и оттуда выскочил растрепанный, но одетый Ронг. За его спиной на мгновение мелькнуло лицо красавицы-певицы. Трубецкой позеленел от злости, прошел мимо, скрипнул зубами – но в его усмешке вспыхнули и злорадия, и восхищение:

– Ах ты щенок!..

Сходя с трапа парохода, француженки оглядывались по сторонам – не появится ли вчерашний симпатичный китаец. Их встречали пожилой господин, одетый с иголки, и довольно неряшливый слуга.

– Здравствуй, папа!

Катрин и Николь с двух сторон поцеловали представительного господина и, казалось, уже забыли о молодом китайце, но, усевшись в экипаж, стали вновь оглядываться. И вдруг увидели его. Спускаясь с трапа парохода, Ронг махал им приветливо, и они в ответ радостно помахали ему.

– Кто это? – спросил отец.

– Забавный паренек, – ответила Николь. – Между прочим, сын богатого владельца ресторана на Монмартре.

Экипаж умчался с пристани, а Ронг в компании с Мао, Хэ и Мином, спустившись с трапа, пошел навстречу некрасивой тридцатилетней женщине по имени Ван Хуэйю, одетой, как и большинство китайок на пристани, в нарядное летнее платье, длинное и легкое.

– Здравствуйте, дорогая Ван! – почтительно обратился к ней Усатый Хэ.

– Здравствуйте! – официальным тоном произнесла встречающая. – Мне поручено размещение гостей нашей научной конференции. Прошу в автомобиль.

Четверка приехавших направилась в сопровождении встречающей к большому трипль-фаэтону. Невысокий крепенький водитель, типичный шанхаец, выскочил из-за руля, стал укладывать чемоданы гостей.

– Здравствуйте! Как доплыли? Кушали сегодня? – спросил он.

После приветствия спросить человека, кушал ли он сегодня, являлось традиционной формой вежливости.

– Познакомьтесь, это Го Лиан, представитель Шанхайской организации, – сказала Ван Хуэйю.

– Очень приятно, Го, – стали знакомиться приехавшие. – А ты кушал?

– Кушал, большое спасибо, кушал.

Когда гости уселись, трипль-фаэтон тронулся и покинул пристань – как раз в тот момент, когда с трапа парохода спускались Трубецкой, Арнольд и Самсонов. На пристани их встречали дипломат Дубов и подпоручик Григорьев, увидев которого, Самсонов, доселе хмурый, озарился радостью:

– Григорьев! Ты!

– Самсонов! Дружище!

Их судьбы были схожи: они вместе отступали с Колчаком, делили горечь поражений. Оба слыли забияками и весельчаками. Старые приятели радостно и крепко обнялись, хлопая друг друга по плечам.

– Ну, теперь, Шанхай, держись! – веселился Самсонов.

– Приветствую тебя в китайском Париже. Так с недавних пор называют этот город, – радовался приятель.

– Лучше бы мы с тобой оказались во французском Шанхае!

– Главное, что не в каком-нибудь Замухрайске.

Вскоре новоприбывшие иммигранты ехали по шанхайским улицам. Григорьев сидел за рулем линкольна, Самсонов – рядом с ним, а остальные – на заднем сиденье, где при желании можно было разместить еще одного человека, но тот человек не пожелал ехать дальше по дороге своей жизни.

– Он застрелился ночью. И упал за борт, – рассказывал Трубецкой. – Видел один из матросов. Но к тому все шло. От бедняги Лопаткина ушла жена, он потерял все свое состояние, победы Красной армии подействовали на него угнетающе. Он уже давно стремился к суициду.

- Жаль беднягу, – горестно вздохнул Дубов.
- Я не жалею самоубийц, – холодно возразил полковник.
- Я тоже, – поддержал его Арнольд. – По-моему, они вырожденцы. Только вырожденец может добровольно стремиться к смерти.
- Это верно. Хотя и мне жаль бедного Лопаткина, – отозвался Самсонов.
- А мне не жаль, – сказал как отрезал Трубецкой. – Тоже мне, персидская княжна!
- При чем здесь княжна? – ерепенился Самсонов. – Персиянка же не сама себе пулю в лоб пустила – ее Стенька, выродок... Кстати, может, эти косоглазые сами Лопаткина за борт выбросили? Почему тот негодяй смеялся над его фамилией?
- Потому что окончание на «кин» у китайцев звучит неприлично, – пояснил Дубов, давно уже работавший здесь. – Они стараются все наши такие фамилии произносить иначе: вместо Пушкин – Пусицин, вместо Кошкин – Косицин, и так далее.
- Сволочи! – скрипнул зубами Самсонов. – Они у меня еще попляшут!
- Как тут обстановка? – поинтересовался Арнольд.
- Пока все спокойно, – ответил дипломат. – Консульству подняли плату за услуги, но пока выживаем неплохо.
- Радуйтесь, господа, скоро будет бал-маскарад! – сообщил Григорьев.
- Ого! Это хорошая новость! – Самсонов даже стряхнул с себя жалость по Лопаткину.
- Наверное, Арнольд, твой двоюродный дядя отмечает юбилей? – спросил полковник.
- Да, по всей видимости, – сказал Гроссе-младший. – Двадцать лет с тех пор, как Виктор Фёдорович был назначен генеральным консулом Российской империи в Шанхае.
- Российской империи... – печальным эхо отозвался Дубов.
- Не вздыхайте, Леонид Петрович! – сказал ему Трубецкой. – Лопаткин тоже начал с того, что все вздыхал: «Ах, Волга!.. Ах, Россия!..»
- А главное, господа, у нас теперь новый предводитель дворянства! – сообщил Григорьев.
- Кто же?
- Генерал Донской. Александр Васильевич.
- Да ну! Предводитель? Хотя этому паркетному генералу как раз и руководить дворянством. Арнольд! Опять твоя родня! – засмеялся полковник. – Ведь, если не ошибаюсь, Донской женат на твоей родной тетушке?
- Так точно! На тете Марго.
- Ну ты и обложился тут родственниками!
- А главное, господа, у них дочка – пальчики оближешь! – лукаво подмигнул куда-то в небеса Григорьев.
- Моя кузина. Елизавета Александровна, – живо откликнулся Арнольд и повернулся к полковнику: – Борис! Ты же у нас теперь вдовец. Давай женим тебя на ней? А что, приданое генерал даст богатое.
- Лиза, Лиза, Лизавета... Моя сладкая конфета... – промурлыкал в ответ Трубецкой.

* * *

Тем временем в другом автомобиле, едущем в это утро по шанхайским улицам, тоже шел оживленный разговор.

– Мы разместимся на территории французской концессии, в общежитии женской гимназии Бовэнь, – оповещала приехавших Ван Хуэйю. – Там же будут проходить заседания съезда. Заранее приношу извинения: условия весьма простые, но, сами понимаете, денег у нас не много, а директор гимназии госпожа Хуан Шаолань, моя знакомая, согласилась за все про все взять лишь двадцать юаней.

– Не беспокойтесь, уважаемая Ван, – успокоил ее Мао Цзэдун. – Древние римляне говорили: «Удобствами разрушается достояние отечества».

– Госпожа Ван, ведь вы – жена Ли Дачжао, не так ли? – спросил Мин.

– Верно.

– Я очень уважаю вашего мужа. Я, как и он, убежденный конфуцианец.

– Мин наизусть знает всего Конфуция! За это все его прозвали Красным Конфуцием, – сообщил Ронг.

А Мао важно заявил:

– Пришло время китайцам жить не одним Конфуцием.

– А директор гимназии знает, кто мы такие на самом деле? – спросил Усатый.

– Нет. Поэтому прошу вас как можно более старательно изображать из себя профессоров и студентов, участников научной конференции, – строго объявила Ван.

* * *

Во дворе российского консульства в Шанхае на изумрудном английском газоне лежал футбольный мяч. Женская ножка, обутая в белую туфельку на невысоком каблуке, сильно ударила по нему. Мяч полетел подобно выпущенному из пушки снаряду и весьма метко попал в спину Веры Михайловны Ландышевой, довольно молодой и весьма энергичной полноватой, но подвижной женщины.

– Ах ты демон! – возмутилась Вера Михайловна, подбежала к мячу и тоже ударила его.

Мяч направился в сторону клумбы с цветами и убежал в заросли пышных разноцветных гортензий. Девятнадцатилетняя Лиза Донская полезла в клумбу и прямо оттуда выбила мяч обратно на лужайку.

За этим уже наблюдала появившаяся мать девушки Маргарита Петровна, одних лет с воспитательницей, то бишь неполных сорока. Любуясь дочкой, она одновременно сердилась на нее:

– Осторожнее, Ли! Ты все цветы измяла! Такие превосходные гортензии. Как не стыдно!

Лиза, в отличие от большинства русских иммигрантов, охотно и, можно сказать, жадно шла навстречу всему китайскому и даже свое имя сократила до двух букв, требуя ото всех, чтобы ее так и называли – Ли.

– Ей можно! Она сама как цветочек! – сказала Вера Михайловна.

Красивое и величественное здание консульства Российской империи на улице Хуанпу, дом 20, при впадении реки Сучжоухэ в более широкую реку Хуанпуцзян, все еще было увенчано трехцветным знаменем Российской империи. В те минуты, пока на лужайке перед ним шел футбольный «матч», появился зеленый линкольн, остановился перед главным входом. Из автомобиля вышли дипломат Дубов, полковник Трубецкой, штабс-капитан Гроссе, подпоручики Самсонов и Григорьев. Им навстречу уже выдвигались генерал Александр Васильевич Донской и консул Виктор Фёдорович Гроссе, обоим по пятьдесят два года от роду. Оба словно из рассказа Чехова – генерал толстый, чуть ли не семипудовый, с окладистой густой бородой, а консул – высокий и тонкий, с пышными усами, подвинченными вверх.

Поздоровавшись со всеми прибывшими, коих он уже знал, генерал одышливо произнес:

– Позвольте вам представить: Виктор Фёдорович Гроссе, генеральный консул Российской империи в Шанхае.

– Здравствуй, господа! – коротко поклонился консул.

Все пожали ему руку, а Арнольд сказал:

– Здравствуй, дядя. Если не ошибаюсь, вы с генералом Донским ровесники?

– Мы одногодки. И даже оба родились в мае, – ответил Гроссе, подкручивая ус.

– Отчего нам теперь и придется тут маяться! – засмеялся генерал, потряхивая пузом. – Позвольте, Виктор Фёдорович, представить вам полковника Трубецкого Бориса Николаевича. Отважнейший вояка, я не раз видел его в деле.

Разговаривая и знакомясь, встречающие и приехавшие неспешно двигались по двору консульства. Самсонов и Григорьев, откланявшись, поспешили удалиться от офицеров выше их по званию.

Трубецкой сообщал о невеселых новостях:

– Дела на Дальнем Востоке из рук вон плохи. Скоро сюда хлынут толпы наших соратников, разбитых Красной армией. Отсюда, из-за стен «недвижного Китая», как назвал его Пушкин, мы начнем новый освободительный поход.

– Вы полагаете?.. – спросил консул с большой неуверенностью в голосе.

– По крайней мере, хотелось бы так полагать, – услышав эту неуверенность, с иронией промолвил полковник. – Я...

В это мгновение футбол ударил ему прямо в грудь, отскочил и наглой жабой медленно заскакал в сторону. Тотчас пролетел ветерок в виде легкой и озорной девушки, подхватил мячик и понесся дальше, успев лишь выпалить:

– Пардон!

– Ли! Несносная девчонка! Как не стыдно! – воскликнула стройная и привлекательная генеральша, подходя к гостям. – Здравствуйте, господа!

– Позвольте представить: моя несравненная супруга Маргарита Петровна, – заговорил генерал. – Полковник Трубецкой. Ну а своего племянника ты сама знаешь.

– С приездом, Арнольд!

– А несносная девчонка – наша дочь Елизавета Александровна. Увы, пока еще во многом ребенок.

– Ах, это «увы» довольно скоро проходит, – засмеялась Маргарита Петровна. – Как сказал Конфуций, жизнь наша стекает быстро, как струи дождя по окну. Ли! Прекрати бить футбол! Подойди к господам офицерам!

– Ли? – удивился Трубецкой.

– Е-ли-завета. Придумала, что теперь ее надо звать на китайский манер – Ли. А нам всем и понравилось.

– Очень даже миленько – Ли. Ей подходит, – улыбнулся Арнольд.

– К тому же у меня одна из дочерей тоже Елизавета, так чтоб не путать, – добавил Виктор Фёдорович.

Девушка, наконец, подошла к компании с капризным видом ребенка, которого оторвали от игрушки.

– Здравствуйте, господа офицеры!

– Здравствуйте, очаровательная Ли! – промурлыкал Трубецкой тем же в точности тоном, как давеча на пароходе обращался к певице.

– Все-таки не смогли справиться с большевиками? – неожиданно очень по-взрослому спросила генеральская дочка. – А все потому, что государя свергли. Такого хорошего. Керенскому присягали.

Все с раскрытыми ртами замерли от подобной бестактности, простительной разве что лишь юному неразумному существу.

– Лиза!!! – отчаянно воскликнула Донская, пылая гневом.

Генерал и консул почему-то посмотрели на Трубецкого. Он на мгновение растерялся, но тотчас захохотал:

– Bravo! Устами младенцев глаголет истина! Младенцев и ангелов. Хотя лично я Керенскому не присягал.

– Ли до сих пор влюблена в покойного Николая Александровича, – извиняющимся тоном заговорил Донской. – Ведь он был восприимчив при ее крещении. Ступай, дочка, а то еще чего наговоришь, – отпустил девушку генерал, и та не заставила себя упрашивать остаться. Она радостно убежала, а Донской вздохнул: – Когда государь отрекся от престола, она три ночи напролет плакала.

– А когда его расстреляли, наверное, плакала неделю? – спросил Трубецкой, на что генеральша, не заметив иронии, тоже вздохнула:

– Почти. Почти неделю.

* * *

В тот же вечер на сцене одного из шанхайских ночных клубов снова блистала несравненная певица Лули. Название этого клуба, расположенного вблизи порта, было почти списано с наименования парохода – «Ночная красавица».

Когда в помещение клуба вошел Ронг, Лули пела щемящую и томную песню о том, как соловыха влюбилась в сокола, и сколько бы ни были прекрасны песни окружающих ее соловьев, она все смотрит и смотрит в небо, ожидая, когда же по нему снова пролетит ее возлюбленный. Лули пела в сопровождении такого же оркестра, как на пароходе, только теперь добавился скрипач. В зале было накурено, за столиками сидели разношерстные компании – британские офицеры, французские торговцы, китайские коммерсанты, менее богатая публика тоже присутствовала. И всех их певице было противно видеть.

Но вдруг вечер озарился радостью – вошел ее долгожданный речной паренек. Он направился к столику на одного человека в углу, присел за этот столик, заказал что-то официанту. Посмотрел на Лули и слегка помахал ей рукой.

В эту их третью ночь певица решила, наконец, узнать, кто он такой. Доселе она знала лишь, что его зовут Ронг Мяо и ему двадцать с небольшим.

– Я студент, – сказал он, лежа на спине и отдыхая после любовной бури. – Мы приехали сюда со своим преподавателем на лингвистическую конференцию.

– Значит, ты лингвист? И что же ты изучаешь?

– Лингвистику, – засмеялся Ронг. – Я пока еще только осваиваю азы этой науки, а в будущем решу, чему именно посвящу свои изыскания.

– Зато науку любви ты уже хорошо освоил, – сказала Лули, у которой давно не было такого хорошего любовника. – В каких университетах ты изучал ее?

– Самый лучший университет – жизнь, – хвастливо заявил Тигренок. – Но есть и хорошие книги. Например, «Искусство любви» древнего римского поэта Публия Овидия Назона. Кстати, она у меня с собой. Французский перевод. Ты ведь понимаешь по-французски?

– Да.

– Могу принести тебе.

– И считаешь мне вслух?

– Если захочешь, почитаю.

– Ты славный малыш.

– Я не малыш, я уже большой, – игриво отозвался Ронг, изображая, как эти слова произнес бы мальчик лет пяти.

– Мы снова сегодня будем спать урывками? – засмеялась Лули.

– Что поделывать, придется. Нам так много задали домашних заданий! По науке любви. Их надо выполнить.

– Мне нравится твой острый ум, малыш. Ну что ж, приступим к домашним заданиям?

* * *

Над входом в здание общежития женской гимназии Бовэнь утром 23 июля красовалась вывеска, написанная на длинном куске простой материи: «Всекитайская лингвистическая конференция». Перед зданием важно прогуливались Мин Ли и Го Лиан, следя за тем, чтобы все было в порядке.

А тем временем в небольшом общем зале этого женского общежития, поставив стулья кружком, рассаживались участники «лингвистической конференции», прибывшие в Шанхай из разных концов Китая. Из Пекина – Чжан Готао и Лю Жэньцзин по прозвищу Книжный Червь, из Чанша – поэт Мао Цэдун и Усатый Хэ Шухэн, из Ухани – Дун Биу и Чэнь Тянцю, из Гуанчжоу – Чэнь Гунбо, из Цзинани – Ван Цзиньмэй и Дэн Эньмин, от Шанхая тоже двое представителей – Ли Дачжао и Ли Ханьцзюнь, а один – Чжоу Фохай – приехал из Токио.

Эти двенадцать человек являлись делегатами и имели решающие голоса. Кроме них приехали участники, имеющие совещательные голоса, – Бао Хуэйсен из Гуанчжоу и два иностранных гостя, представители Коминтерна – Хендрикус Сневлит, более известный в Китае под псевдонимом Маринг, и Владимир Абрамович Нейман, носивший псевдоним Никольский; при них два переводчика: один, Чжан Тайлэй, переводил Сневлиту на немецкий, другой, молодой журналист Цюй Цюбо, Никольскому – на русский. Из собравшихся здесь молодых людей только Ли Дачжао, Хэ Шухэну и Сневлиту-Марингу было за тридцать. Остальные – совсем еще юноши от девятнадцати до тридцати. Все достали тетрадки и ручки, чтобы записывать происходящее.

В наступившей тишине первым взял слово Мао Цэдун:

– Итак, нас здесь двенадцать делегатов съезда. По двое от Пекина, Шанхая, Чанша, Ухани, Цзинани и по одному от Токио и Гуанчжоу. В качестве присутствующих – спецпредставитель от Чэнь Дусю – Бао Хуэйсен, наблюдатель от Коминтерна Сневлит и наблюдатель от Дальневосточного секретариата Коминтерна Никольский. Учитывая конспирацию, предлагаю сразу перейти к делу. Наша цель – создание Гунчаньдана – Коммунистической партии Китая!

Го и Мин, прогуливающиеся у входа в здание, имели задание следить за конспирацией. В случае появления подозрительных личностей, они должны были немедленно сообщить об этом внутрь, чтобы там принялись обсуждать вопросы лингвистики.

– Наш парижский Тигрёночек так до сих пор и не появился! – сказал Го с усмешкой.

– Опять у своей певички, – ответил Мин.

– Какой еще?

– Певица Лули. Поет то на пароходе «Речная красавица», то в ночном клубе «Ночная красавица».

– А, так я ее знаю. Бывал на ее выступлениях. Очень красивая. И поет очень красиво. Но постой... она же лет на пятнадцать его старше.

– Если не больше. Но разве это помеха для любви? Она действительно красива и поет волшебю.

– Но разве Мяо Ронг сюда для этого приехал?

– Получается, для этого. Конфуций сказал: «Я еще не встречал человека, который любил бы добродетель так же сильно, как любят женскую красоту».

В зале продолжалась «лингвистическая конференция». Снова выступал Мао Цэдун:

– Предлагаю выбрать председателем съезда представителя пекинской делегации Чжан Готао, а секретарем – представителя от Токио Чжоу Фохая.

– Обоим по двадцать с небольшим, – возразил Ли Дачжао. – У нас есть делегаты постарше – Дун Биу, Хэ Шухэн... Конфуций учит всегда отдавать предпочтение старшим.

Шанхаец Ли Дачжао считался в зарождавшемся китайском коммунистическом движении одним из бесспорных лидеров, и к его мнению принято было прислушиваться, но тут вдруг второй делегат от Шанхая, молодой богач Ли Ханьцзюнь, дерзко возразил ему:

– Мы с порога отмечаем устаревшие догмы Конфуция! Да и ты, Ли Дачжао, насколько мне помнится, в своих статьях развенчиваешь Конфуция как философа тирании.

Ли Ханьцзюня поддержал Чэнь Таньцю:

– Слушаясь его заветов, Китай соблюдал покорность и попал в зависимость от иностранцев.

Неожиданно на сторону молодых встал Усатый:

– И вправду, наша молодежь сейчас очень хороша!

– Кто за выдвинутые мной кандидатуры? – громко спросил Мао.

Все подняли руки. Кроме Ли Дачжао.

– Почти единогласно, – обрадованно произнес Мао.

– Предлагаю избрать не одного, а двух секретарей, – продолжил развивать успех Усатый Хэ. – И вторым – Мао Цзэдуна. Кто – за?

Снова все подняли руки. Кроме Ли Дачжао. Но, посмотрев на всех, он тоже на сей раз позволил своей руке устремиться вверх. И потом стал смущенно накручивать усы, которые у него были еще пышнее, чем у Хэ Шухэна.

– Мао так Мао. Кстати, очень хороший поэт, – бормотал он.

Перед входом в здание Го и Мин продолжали неспешно беседовать:

– Как думаешь, Конфуций: чья линия сегодня одолеет? Мао Цзэдуна или Ли Дачжао?

– Я за Ли Дачжао. Он конфуцианец. И он – сторонник Ленина, – без тени сомнений откликнулся Мин Ли.

– А я за Мао Цзэдуна. Он – сторонник Китая! – с вызовом возразил Го Лиан.

В зале продолжали решаться отнюдь не лингвистические дела. Теперь все сидели на стульях, а Чжан, Чжоу и Мао – отдельно за столом. Чжан руководил съездом, а Мао и Чжоу записывали.

– Переходим к первому и главному вопросу, – взволнованным голосом произнес Чжан и важным взором обвел всех собравшихся. Наступила благоговейная тишина. – Кто за то, чтобы сегодня и сейчас мы провозгласили создание Гунчаньдана – единой Коммунистической партии Китая?

Все делегаты подняли руки.

– Единогласно! – воскликнул Мао.

– Поздравляю! – выдохнул Чжан. – С этого момента начинается история нашей партии!

Все в зале дружно захлопали в ладоши.

Тем временем перед зданием женского общежития наконец-то появился заспанный и взъерошенный Ронг, который не был делегатом, а таким же, как Го Лиан и Мин Ли, одним из рядовых организаторов Первого съезда Компартии Китая.

– А вот и наш Тигрёночек! – засмеялся Го. – Как спалось в объятьях влажного жасмина?

– Не сыро? – съязвил Конфуций.

– Песенками не замучила?

– Напрасно веселитесь, – сердито ответил Ронг. – Я не зря припозднился. Мне удалось подслушать разговор двух шпииков. Наша научная конференция кажется им подозрительной. Кстати, вон и они.

Ронг кивнул в сторону улицы, на которой появились два шпиика. Они остановились, стали прикуривать. С подозрением посмотрели на здание общежития.

– Надо сообщить об этом, – сказал Мин.

Он помчался внутрь здания, вбежал в общий зал и сделал знак Мао Цзэдуну – ударил ребром правой ладони свою левую руку, как бы перерубая ее.

Увидев сигнал, Мао немедленно воззвал:

– Предлагаю вернуться к обсуждению лингвистических вопросов. У нас есть докладчик – Лю Жэньцзин. Пожалуйста, Лю.

И Книжный Червь неспешно принялся читать заготовленную заранее статью из малотиражного журнальчика «Родной иероглиф».

* * *

Солнце клонилось к закату, озаряя розовыми и оранжевыми красками сказочно красивые виды окрестностей горы Шэ. По реке в широкой лодке, любясь закатом, плыли Мао, Хэ, Сневлит и Никольский, Мин налегал на весла, а Ронг переводил гостям с китайского на французский.

– Скажи, что все в порядке, – сказал Мао. – К счастью, среди делегатов есть один богач. Ли Ханьцзюнь, делегат от шанхайской организации. Он приходится младшим братом Лю Шучэну, одному из богатейших людей в Шанхае. И сам очень богат. В прошлом году Ли Ханьцзюнь построил новый особняк в Хуанпи Нан Лу. Это неподалеку от гимназии, в которой мы провели первое заседание. Ли Ханьцзюнь любезно предложил съезду переместиться туда. В его владения никакие шпики не сунутся.

Ронг перевел сказанное Мао, а Сневлит перевел Никольскому на немецкий, сильно укоротив информацию:

– Съезд перемещается в более надежное место, в какой-то богатый особняк.

– Ну и прекрасно! – отозвался гость из Советской России, встал, расправил плечи, любясь красотами горы Шэ. Произнес по-русски: – Красота-то какая!

Мао и Хэ, отвернувшись от Сневлита и Никольского, смотрели на гору Шэ.

– Вот проныра этот Ли Ханьцзюнь! – усмехнулся Усатый. – Представитель богатой буржуазии в коммунистическом движении.

– Зато дом у него куда более надежный, чем выискала жена Ли Дачжао, – произнес Мао. – Не могла сразу обратиться к Ли Ханьцзюню!

Ронг, которому больше не надо было переводить, лег боком на край лодки, смотрел в воду, опустил в нее руку, наблюдал, как струи воды обтекают его кисть, и в голове его звучал голос поющей Лули.

– Струи любви... – произнес влюбленный юноша мечтательно.

– Что, дружок, уже скучаешь по своей певичке? – отдыхая от весел, спросил Конфуций.

– Нет. Не по ней. По той, кого еще не встретил, – вдруг неожиданно даже для самого себя признался Тигренок.

– «Скучаю по той, кого еще не встретил». Красиво сказано, Мяо Ронг! – похвалил поэт и стал снова задумчиво смотреть на гору Шэ. – Как пленителен наш Китай на закате! Гора Шэ... Изыщная, словно молодая красавица...

Усатый хотел было попросить друга, чтобы тот прочел какое-нибудь из своих стихотворений, но Мао сам стал читать в своей певучей манере:

Горы!

Их вершины вонзились в небесные синие взоры.

Небо падало вниз,

Но его – вершин поддержали опоры.

– Он поет? – спросил Сневлит по-французски.

– Он читает стихи. Мао Цзэдун – превосходный поэт, – сказал Ронг.

– Поэзия и революция – сестры, – заметил Сневлит.

- Что он сказал? – спросил Хэ.
- Что поэзия и революция – сестры, – перевел Тигрёнок с французского на китайский.
- Нет, – возразил Мао. – Революция и есть поэзия.

* * *

В тот же вечер Гроссе и Донской решили устроить Арнольду и Трубецкому китайский вечер в ресторане на берегу пруда, примыкающего к территории консульства. Официант подавал весь джентльменский набор китайских блюд, и на столике для ознакомления даже появился графинчик с китайской водкой. Остальные напитки были традиционно-европейские и русские.

– Тут даже вечер не приносит прохладу! – сказал Арнольд, пробуя китайскую.

– Ни в коем случае не злоупотребляйте местной водкой, – предостерег его генерал. – У нас и у китайцев разный подход к крепким напиткам. Мы пьем, чтобы разгореться, чтобы встать перпендикулярно к жизни. «У бездны страшной на краю...», как сказал Пушкин.

– А китайцы? – спросил полковник.

– Китайцы пьют, чтобы расслабиться после трудового дня, ни о чем не думать, – продолжал свою лекцию Донской. – Поэтому на русский мозг китайская водка действует угнетающе, подавляюще. От нее хочется спать, исчезнуть, не быть. Победитель станет философствовать о том, зачем ему эта победа. Проигравший впадет в еще большее уныние. Влюбленный заметит в предмете своей любви недостатки, а тот, кто не способен влюбляться, сделается еще большим циником.

– Пожалуй, я перейду на более привычный коньяк, – засмеялся Трубецкой.

– Выпьем, господа, за то, чтобы не помнить о России! – произнес Гроссе-младший.

– Да уж, давайте пускать корни тут, в Китае, – поддержал племянника Гроссе-старший.

– Попали мы с вами, полковник, в лапы к немцам! – прорычал генерал.

Все стали чокаться, опрокинули в себя кто коньяк, кто русскую, кто вино, обратились к закускам.

– Вот у них и пельмени... – продолжал экскурсию Донской. – Сотни разновидностей. Кроме тех, что нам привычны.

– Заказывайте вашему повару, и он будет готовить на ваш вкус, – посоветовал консул.

– А что, Борис, приглянулась вам моя дочка? – изрядно закусив десятком пельменей, спросил генерал.

– А вы заметили?

– Еще бы мне, отцу, да не заметить!

– Прекрасная девушка. И главное, в ней есть нечто совсем необычное. Искра!

– Уж не высекла ли та искра в вас пламя? Помните, как там поется: «И в душе моей, хладной, остылой, разгорелось сердце огнем»?

– Может быть, может быть... – неожиданно по-французски произнес в задумчивости Трубецкой довольно артистично.

– Пора уже по-китайски говорить, – заметил ему генерал. – Виктор Фёдорович, как будет по-китайски «может быть»?

– Кененг ши, – отозвался Гроссе.

– Так вот, Борис, – кененг ши, довольно вам нести печальный образ вдовца! Нет иного лекарства от любви, как новая любовь.

Трубецкой в ответ улыбнулся грустной улыбкой и поднял рюмку:

– Кененг ши.

* * *

В «Ночной красавице» Лули снова пела в ожидании появления Ронга. С тревогой поглядывала она в тот угол, где стоял столик на одного, но столик по-прежнему оставался пуст.

Ронг так и не придет к ней сегодня. Наплававшись на лодке, его компания заночует на берегу реки в крошечной гостинице у однорукого Лао Бао, будет есть его пельмени восьми сортов, пить китайскую водку, чтобы поскорее уснуть и завтра пораньше проснуться.

Грустная Лули ляжет в свою кровать одна и будет ворочаться и сгорать от жажды по ласкам славного паренька Ронга, сходить с ума от того, что его нет рядом. И заплачет горестно.

* * *

На другой день утром Григорьев и Самсонов шли по Торговой площади с озорными лицами.

– Который день мы в Шанхае и до сих пор ни разу не почесали кулаки. Разве это дело, друг мой? – говорил Самсонов.

– Ты-то всего лишь третье утро здесь встречаешь, это я уже второй месяц живу.

– И ни разу не подрался с косоглазыми?

– Тебя ждал.

– Да уж! Как вспомнишь китайские отряды у большевиков под Читой... Они ведь государя императора расстреляли!

– Нет, государя – мадьяры, – возразил Григорьев.

– Ну по Кремлю в семнадцатом из орудий лупили.

– Там тоже мадьяры и чехи.

– Да какая разница! Главное, что китаезы в рядах у красных воевали. Скажешь, нет?

– Воевали. А за нас – не воевали.

– Ну так а я о чем говорю!

Они шли дальше, разглядывая бушующее море товаров и примеряясь, над кем сподручнее учинить расправу.

* * *

Женское общежитие стало роддомом, из которого ребенка вскоре перевели в более удобные помещения. Второй день «лингвистического съезда» новорожденной Коммунистической партии Китая проходил в богатом доме Ли Ханьцзюня на улице Ванчжилу.

Супруга Ли Дачжао, изрядно накормив голубей, слетавшихся к ее угощению, казалось, со всего Китая, сбросила остатки корма с тарелки на асфальт, вошла в дом, прошла через внутренний дворик и заглянула в гостиную.

Не сказать, что зал второго дня заседаний был намного больше. Комната восемнадцати метров, посередине – большой четырехугольный обеденный стол, а вокруг него – стулья и табуретки. Но внутреннее убранство гостиной отличалось куда большей роскошью и изысканностью, нежели простенький общий зал в женском общежитии. На столе красовался изящный чайный сервиз, возвышалась дорогая стеклянная цветочная ваза, рядом – целое озеро меди, обрамленное берегами, украшенными деревцами, среди которых блуждал олень – пепельница. В углу поставили маленький столик, за которым сидели Чжан, Чжоу и Мао.

Мао вел протокол. В отличие от остальных, он сегодня неожиданно явился в длинном традиционном халате и был похож на даосского монаха.

За обеденным столом на стульях и табуретках сидели другие делегаты съезда – Ли Дачжао, Хэ, Дун, Таньцю, Гунбо, Лю, Ли Ханьцзюнь, Ван Цзиньмэй, Дэн, а также Бао, коминтерновцы Сневлит и Никольский.

Ван почувствовала, как в зале растет напряжение, разгораются споры. Делегаты вскакивали, махали руками.

– Вы что, действительно верите в возможность захвата власти? – шумел ее муж.

– А почему бы и нет? – воскликнул Лю, и Ван с неприязнью подумала о нем: «Молокосос! Еще смеешь перечить моему мужу! Книжный Червь».

– Юношеский максимализм! – возразил девятнадцатилетнему пекинскому делегату Дэн Эньмин.

«Правильно», – подумала Ван.

– Впереди великие сражения! – с пафосом объявил Цзиньмэй. И вдруг сильный кашель стал его колотить.

* * *

И первое сражение было не за горами. Пока второй день съезда бурлил дебатами, по той же Торговой площади шли Го Лиан, Мин Ли и Мяо Ронг. Покупали на вечер еду и выпивку.

– Сами там решают судьбу Китая, а нас отправили за выпивкой и закуской, – проворчал Конфуций.

– Да ладно тебе! Хорошо, что дом Ли Ханьцзюня не надо охранять, – возразил Го.

– Смешно, что полиция, которой мы боялись, теперь нас же и охраняет, – улыбнулся Тигрёнок.

Го заметил Самсонова и Григорьева:

– Противно, что мы боремся за коммунизм, а здесь, в Шанхае, находят прибежище недобитые белогвардейцы.

– Вот нам и надо их добить! – сжал кулаки Мин. – С чего-то ведь следует начинать борьбу за дело коммунизма!

– А что Конфуций говорил о поверженных врагах? – ехидно спросил Ронг.

– Они еще не до конца повержены, – возразил ярый конфуцианец. – Кстати, вон – два русских офицера. Один из них был пьяный на пароходе, когда мы плыли в Шанхай. Все на нас пялился злобно.

– Давайте их лучше обойдем стороной, – предложил Мяо Ронг, предчувствуя, что эта встреча добром не кончится.

– Ты что, Тигрёнок, струсил? – усмехнулся Го Лиан.

– А ты предлагаешь подойти и спросить у них, кушали ли они сегодня?

Самсонов и Григорьев неуклонно двигались им навстречу.

– Вон, глянь, какие рожи! – сказал Самсонов. – Постой, постой... Вон того я на пароходе видел. А еще раньше – как раз в бою под Читой. Бог мне судья, но это он. За большевичков кровь проливал, стервяка!

И оба подпоручика с неприязнью воззрились на идущих им навстречу Го, Мина и Ронга. Встали у них на пути.

– Здравствуйтесь, уважаемые! Куда путь держим? – грозно спросил Григорьев.

А Самсонов дал ускорение:

– По мордасам не желаете ли получить?

Китайцы не понимали по-русски, и Го поспешил поставить иммигрантов в известность об этом.

– Что он сказал? – спросил Самсонов.

– Говорят, не понимают по-русски, – перевел Григорьев, поверхностно успевший нахвататься расхожих китайских слов и выражений.

– По зубарикам не хотите огрести? – снова поинтересовался Самсонов, говоря столь милым голосом, будто спрашивал, не хотят ли молодые китайцы принять приглашение за его счет в ресторан. И тотчас, без промедления, ударил Мина в лицо. Мин рухнул навзничь.

Ронг, растопырив руки, встал перед Самсоновым и Григорьевым как ненавистная им пятиконечная звезда и воззвал по-французски:

– Постойте, вероятно, тут какая-то ошибка!

Однако его чистейшее парижское произношение не помогло.

– Ты тоже хочешь? Будьте любезны! – И Самсонов нанес ему удар в лицо.

Однако Ронг ловко увернулся и сам ударил Самсонова в ухо. Тем временем Григорьев точным ударом сбил с ног Го Лиана. Мин, вскочив, ударил Самсонова в живот, но тотчас получил удар со стороны Григорьева и снова упал.

Людей на Торговой площади было много, но никто не вмешивался, все расступались, с любопытством взирали на то, как разворачивается драка. После подавления Боксёрского восстания за двадцать лет англичане сумели заново привить уважение к иностранцам, которые, что бы ни делали, всегда останутся правы. Ненависть к некитайцам кипела внутри, но боялась даже носа высунуть наружу.

Самсонов, Григорьев, Ронг, Мин и Го продолжали обмениваться ударами. Мин в третий раз был сбит с ног.

– Вставай, я тебя еще не до конца угостил! – стал поднимать его Самсонов, чтобы еще раз врезать, но тут Ронг ударил его в другое ухо, и Самсонов взвыл.

Григорьев пытался сбить Ронга ударом, но Тигрёнок снова ловко увернулся, пытался достать ударом Григорьева, но тот был умелый драчун. Они встали друг против друга в позе боксеров.

– За что вы на нас напали? – спросил Ронг.

– А, так ты по-французски лопочешь? Ну так regarde toi! – И Григорьев сделал выпад.

Трое молодых китайцев не выдержали и бросились из толпы на помощь своим сверстникам и соотечественникам. Тут же обнаружилось еще двое русских офицеров, которые приняли сторону своих. Драка стала расширяться.

Случайно на площади оказался Арнольд Гроссе. Видя дерущихся, поспешил на помощь русским, охотно влился в стихию драки, сильными ударами свалил с ног одного, второго, третьего китайца.

Ронг заметил приближающийся наряд полиции.

– Уходим!

– Трус! – воскликнул Го.

– Полиция!

Мин и Го тоже увидели полицейских и вместе с Ронгом поспешили убежать с поля боя.

– Ага! Трусливые зайцы! – вопил Самсонов.

– Господа, нам тоже пора давать деру! Фараоны! – призвал Арнольд.

При виде приближающихся полицейских русские офицеры разбежались во все стороны.

* * *

А в доме Ли Ханьцзюня тоже накалялись страсти.

– Я требую четко определить в партийной программе, что только диктатура пролетариата может спасти Китай, – кипятился Лю Жэньцин.

– Он требует! – возмущался Усатый.

– Да, я требую!

– Наш маленький Книжный Червь недавно прочитал «Критику Готской программы» Маркса, – засмеялся Дэн Эньмин.

– Да, прочитал! А все ли тут собравшиеся ее читали? – Лю с вызовом обвел товарищей взглядом.

– Да уж умеем читать-то! – возмутился хозяин дома Ли Ханьцзюнь.

– Маркс четко пишет, что в переходный период от капитализма к коммунизму может осуществляться только диктатура пролетариата... – отчеканил Лю.

– Это у них, на Западе, – заметил Ли Дачжао.

– Только диктатура пролетариата! Иначе я готов покинуть съезд! – заявил Книжный Червь, похожий сейчас на воробушка, пытающегося перед кошкой изобразить из себя коршуна.

Мао наклонился к Чжану и вполголоса потребовал:

– Председатель, скажите же что-нибудь.

– Я как раз и собирался это сделать, – вскинул брови Чжан и громко объявил: – Уважаемый Лю Жэньцзин напрасно так кипит. По-моему, здесь все разделяют его точку зрения.

– Я не разделяю! – сказал Ли Ханьцзюнь.

– Вот так новость! – удивился Таньцю, словно только что проснувшись.

– Давайте послушаем Ли Ханьцзюня, он прекрасно разбирается в экономическом учении Маркса, – предложил Гунбо.

Ли Ханьцзюнь выдержал паузу, пока не наступило подобие тишины, и произнес:

– Маркс призывает к осторожности и не советует спешить с социалистической революцией в отсталой стране. Вы можете спорить, но Китай – страна отсталая.

Он еще говорил минут пять, пока Книжный Червь не осмелился перебить его:

– Наша программа с самого начала должна быть зубастой, как акула!

– Прекрасно сказано, Лю Жэньцзин, – поддержал его Мао.

– Пустые слова! – зло произнес хозяин дома.

Мао Цзэдуна внезапно горячо поддержал Ли Дачжао:

– Простите, Ли Ханьцзюнь, мы приняли во внимание все ваши доводы, но, похоже, вы остались в одиночестве. Все поддерживают Лю Жэньцзина.

Все это время молчавший Ван Цзиньмэй вдруг словно взорвался:

– Наш первый съезд должен выстрелить, как из лука! – И снова стал сильно кашлять.

Все посмотрели на него, и Лю Жэньцзин сказал более сильно:

– Как из пушки!

– Хватит осторожничать! – поддержали его Мао и Дэн.

Ли Ханьцзюнь обиженно сел на свое место.

– Ну, как знаете...

Слово вновь взял председатель съезда:

– Давайте, наконец, перестанем бушевать и перейдем к трезвой выработке программы партии.

Постепенно к полудню на съезде восстановилась деловая обстановка.

– Я думаю, надо в первый пункт еще вставить слова о возрождении нации, – предложил Мао, и все снова обратили внимание на его национальный костюм.

– Верно, – согласился председатель Чжан.

– Согласны! – сказал Дун Биу.

– Впишите, Мао, – приказал председатель. – Со вторым пунктом покончили, переходим к третьему.

В комнату, где проходил съезд, вошли Го и Мин, потрепанные, со следами драки на лицах, а за ними Ронг, чистенький, лишь плечо пиджака порвано.

– В чем дело? – спросил Мао.

– Кто это вас так разукрасил? – спросил Чжан.

Мин Ли, как положено, процитировал Конфуция:

– Лучше всяких украшений – следы битвы на лице мужчины.

– На нас напали! – куда менее пафосно выпалил Го.

– Кто?

– Где?

– На рынке, – пояснил Тигрёнок. – Двое русских офицеров.

– Потом к ним еще присоединились несколько, – чуть не плача, сказал Го.

Мин Ли продолжал украшать случившееся:

– О, это была превосходная потасовка! Мы дрались, как тигры. Я вырубил двоих напрочь.

Вот этим боевым кулаком. Если б не полиция, мы бы их всех перебили!

– Надеюсь, полиция вас не засветила? – спросил Чжан Готао.

– Нет. Мы успели удрать.

– Драпать надо было сразу. Не хватало только, чтобы вас сцапали, – недовольным тоном пробурчал Ли Дачжао.

– Напрасно вы так говорите, уважаемый Ли Дачжао, – возразил Мао. – Разве это плохо, что молодые коммунисты дрались с белогвардейскими офицерами, подобно тиграм? Пока мы здесь вырабатываем программу, они уже вступили в бой с классовыми врагами!

Все дружно рассмеялись. Один только Ли Дачжао продолжал выказывать недовольство:

– Не вижу ничего смешного! Нам приходится соблюдать конспирацию, мы боимся арестов, а белые русские офицеры спокойно переселяются в Харбин, а теперь и в Шанхай, свободно разгуливают по улицам да еще нападают на мирных китайцев.

– Возражаю! Мы не мирные! Видели бы вы, как мы им врезали! – воскликнул Мин Ли.

– Поддерживаю товарища Ли Дачжао, – сказал Мао, стараясь время от времени выказывать уважение к одному из признанных лидеров китайского революционного движения. – Это возмутительно: пока наши красные братья добивают в России белую сволочь, китайские власти попустительствуют иммиграции недобитых контрреволюционеров.

– Ну ничего! – сказал Мин. – Я слышал, у них в консульстве скоро будет бал-маскарад. Мы зададим им перцу!

Тут вмешался председатель:

– От лица Первого съезда Коммунистической партии Китая запрещаю вам какую-либо самодеятельность в отношении белых иммигрантов.

– И вообще, вы мешаете работе съезда, – возмутился Бао Хуэйсен.

– Идет выработка программы, а вы сбиваете нас с толку! – добавил Дун Биу.

– Ступайте, юноши, – махнул рукой Усатый Хэ, этим жестом выпроваживая участников сражения на Торговой площади.

– Пойдемте, ребята! – обиженно буркнул Го Лиан.

– Да, у них своя программа, у нас – своя, – с презрением добавил Мин Ли. И все трое покинули помещение.

* * *

Тигр по прозвищу Рыжий Дракон носился по клетке шанхайского зверинца, с ненавистью глядя на посетителей. Его злые зеленые глаза выстрелили и в новых посетителей, подошедших к клетке. Ими были Маргарита Донская и ее дочь Елизавета.

– Хорош тиграша! – сказала Маргарита Петровна. – Твой отец был очень похож на него, когда мы впервые встретились с ним в Массандре.

– А этот Трубецкой совсем не тигр, – сказала Елизавета.

– Не тигр, так лев, – возразила мать. – Блестящий офицер. К тому же богат. Это, знаешь ли, тоже немаловажно.

- И не лев вовсе. От чего умерла его жена?
- От чахотки. Если я не ошибаюсь.
- Я на ее месте тоже бы зачахла и умерла.

От клетки с Рыжим Драконом Донские вскоре перешли к вольеру, в котором паслись горные козлы. Один из козлов забрался выше всех и гордо поглядывал на мир свысока.

- Во! Вот этот козел очень похож на вашего Трубецкого, – засмеялась дочь.
- Лиза! Как не стыдно! Бессовестная.

Но, приглядевшись к высокопоставленному козлу, Маргарита Петровна не выдержала и рассмеялась.

- Что? Видишь? Похож? Скажи, похож?

– Что-то есть... Но вообще, безобразие! Ты стала очень дерзкой в последнее время. Тебя тоже пора в клетку, как этих всех зверей. Пойдем от этих козлиц, от них пованивает. А полковник Трубецкой, да будет тебе известно, доблестно сражался с большевиками, трижды был ранен. Внешне он порою выглядит несколько артистично, ненатурально, но, поверь мне, это настоящий русский отважный воин! А как хороши его серебряные виски! Согласись, в этом есть несравненное очарование.

- Не удивлюсь, если он их нарочно подбеливает.
- Лиза!

* * *

Вечером того дня этот настоящий русский воин в обществе генерала Донского, а также обоих Гроссе, дяди и племянника, явился в «Ночную красавицу» и с удовольствием увидел на сцене притягательную Лули, завораживающую публику своим несравненным пением в сопровождении небольшого оркестра.

- Я же говорил вам, что это лучший ночной клуб Шанхая, – сказал Донской.
- Интересно – то, что она поет, это китайские народные песни? – спросил Арнольд.
- Ах нет, увольте! Французский шансон, сваренный по-китайски, – улыбнулся Александр Васильевич.

Лули запела новую песню о том, как река спешит на свидание с морем, и ей не терпится поскорее добежать, а берега все тянутся и тянутся вдоль равнин и гор, лесов и полей. И река грозит: «Вот возьму и выскочу из берегов, полечу в небо, чтобы поскорее долететь до моего возлюбленного и упасть на него в виде дождя!»

Лули увидела Ронга и засветилась радостью. Жадно ждала, когда он посмотрит на нее, а он не спеша сел, дал распоряжение официанту, лизнул взглядом газету и лишь после этого удосужился посмотреть в сторону сцены. Наглый мальчишка! Он улыбнулся и помахал Лули. Она сделала вид, что не замечает его. Но долго не продержалась и, воспользовавшись паузой, когда оркестр делал проигрыш, глянула на паршивца и улыбнулась ему.

Официант принес Ронгу пиво, и он стал пить, глядя на Лули теперь уже ласковым взглядом, и она, снова радостная и счастливая, отвечала ему взорами, полными огня.

- Что будем делать с Самсоновым и Григорьевым? – спросил Трубецкой.
- Их надо примерно наказать, – ответил генерал. – В кои-то веки нам с Виктором Фёдоровичем пришлось сегодня выслушивать претензии от властей.
- Я весьма вовремя подросел, иначе их бы схватила полиция, – заметил Арнольд.

Трубецкой рассмеялся:

– Выпороть мерзавцев на конюшне! Хотя они и молодцы. У меня самого руки чешутся отомстить за то, что китайцы сражаются вместе с красными.

- Надеюсь, вы не пойдете на рынок драться с первыми попавшимися?
- Увы, Александр Васильевич, положение обязывает.

Лули продолжала петь с большим чувством, смотрела вверх, протягивая руку к небесам, куда река взмыла в виде дождя, чтобы поскорее полететь к морю. Закончив песню, она поклонилась, принимая бурные аплодисменты, шепнула оркестру, какую следующую песню хочет петь, и запела радостное: «Вот, наконец, ты ко мне пришел, мой милый рыболов, принес мне рыбу и, наконец-то, сегодня увидишь, как сильно я тебя люблю, и именно я – твой главный и лучший улов».

– А как движутся ваши свадебные хлопоты? Скоро помолвка? – с иронией спросил Гроссе-младший.

– Ничего, рано или поздно Лиза поймет, какую блистательную партию ей предлагают, – вздохнул Донской.

– Порой крепости приходится брать после длительной осады, – усмехнулся Борис.

Он посмотрел с нежностью на Лули, снова мечтая попробовать добиться свидания и горя, что не может сейчас домогаться ее в присутствии генерала и консула. Арнольд бы отнесся спокойно, а эти двое – увы...

Продолжая счастливое пение, Лули в очередной раз бросила влюбленный взгляд на Ронга и вдруг с ужасом увидела, как он допил свое пиво, расплатился с официантом и ушел. Ей захотелось броситься следом за ним, и лишь гордость не пускала ее превратиться в реку, выскользившую из своих берегов в небеса.

* * *

После двух дней дебатов по разным организационным и идеологическим вопросам настало 27 июля, день подведения первых программных итогов съезда. И вот, стоя перед собравшимися, Мао Цзэдун в красивом китайском халате зачитывал текст программы:

– Первое: вместе с революционной армией пролетариата свергнуть капиталистические классы, возродить нацию на базе рабочего класса и ликвидировать классовые различия.

В то же время в российском консульстве Елизавета Донская в своей комнате одевалась перед зеркалом, а Ландышева и служанка Джиао ей помогали. Ли наряжалась к балу-маскараду в китайский национальный костюм, надевала юбку-плахту. В костюме преобладали ярко-красные цвета.

– Второе: установить диктатуру пролетариата, чтобы довести до конца классовую борьбу вплоть до уничтожения классов, – продолжал Мао зачитывать текст программы.

Ли пристегнула плетеными пуговицами пояс и сказала:

– Какой приятный ласковый шелест у этих тканей.

– Третье: ликвидировать капиталистическую частную собственность, конфисковать все средства производства (как то: машины, землю, постройки, сырье и так далее) и передать их в общественную собственность.

Ли прикрепила спереди богато украшенный фартук и сетку цветных шнуров с вплетенными нефритовыми кольцами.

– Ах, какая красота! – восхитилась Вера Михайловна.

– Это очень красивый свадебный наряд невесты, – произнесла Джиао по-китайски.

– Что она сказала? – спросила Ли.

– Джиао, ты бы по-русски научилась говорить! – проворчала воспитательница, на что воспитанница возразила:

– Зачем ей? Она у себя дома. Это мы у них в гостях. Нам надо учить китайский.

– Четвертое: объединиться с Третьим, то есть Коммунистическим, Интернационалом, – закончил Мао оглашать текст программы.

– Прошу проголосовать. Кто за такую программу? – обратился к съезду председатель Чжан.

Ли продолжала наряжаться. Надела головной убор из золотых лепестков, украшенный цветами из алого граната. На лицо с этого головного убора, подобно струям дождя, ниспадали нити нефритовых шариков.

– Ах, какое чудо! – восхитилась Вера Михайловна. – Будто струи дождя стекают тебе на лицо. До чего же ты хороша в этом костюме, Лизочка!

Ли в задумчивости посмотрела на себя в зеркало:

– Струи дождя... Струи любви... Я словно услышала чей-то голос, который произнес эти два слова: «струи любви». Только почему-то по-французски – *les jets d'amour*.

– Да пора уж тебе влюбиться-то! – засмеялась воспитательница. – И желательно в Бориса Николаевича.

– О нет! Только не Трубецкой, – мгновенно вспыхнула воспитанница. – Ты-то уж хотя бы не зли меня!

– Зря, – возразила воспитательница. – Отличная партия! Все голосуют за него единогласно.

Все присутствующие делегаты дружно подняли руки.

– Единогласно! – воскликнул председатель Чжан Готао.

– Теперь следует выработать и утвердить тактическую линию партии, – предложил Ли Дачжао.

Мао вдруг решил дерзнуть, сбить с лидера его спесь:

– Товарищ Ли Дачжао, у нас ведь есть председатель – Чжан Готао.

И тот смутился, забормотал:

– Да, да... Прошу прощения!

Ли закончила наряжаться. Она вертелась перед зеркалом, рассматривая себя в великолепном наряде.

– Чем вам не китаянка? – засмеялась она.

– И при том – прехорошенькая! – похвалила Ландышева.

Ли внимательно пригляделась в зеркало и вдруг увидела, как сзади к ней в китайском национальном костюме подходит какой-то юноша. И это не простой юноша, это... Видение длилось всего одну секунду. Ли вздрогнула в испуге, захлопала длинными ресницами.

– Господи, что это?

– Что именно? – спросила Вера Михайловна.

– Нет, ничего.

– Где-нибудь жмет?

– Да нет же! Говорю: все хорошо.

А в доме Ли Ханьцзюня продолжался съезд, и Ли Дачжао язвительно бросил в сторону Мао:

– Не пора ли тебе, дорогой мой, и косу отращивать? Очень не хватает к этому халату.

* * *

В лучах заката из дома Ли Ханьцзюня вышли сам Ли Ханьцзюнь, Мяо Ронг, Лю Жэньцин и Мин Ли. Все они были одеты в праздничные китайские национальные костюмы – халаты, расписанные драконами, с просторными колоколообразными рукавами, украшенными манжетами, по талии – широкие пояса иного цвета, нежели сами халаты.

Возле дома стоял роскошный просторный трипль-фаэтон «Делонэ-Бельвиль» с открытым верхом, за рулем сидел Го Лиан в обычных одеждах. Ли Ханьцзюнь, Ронг, Лю и Мин расселись в салоне автомобиля, и его богатый владелец приказал водителю:

– Поехали!

И машина покатила по вечерним улицам Шанхая.

- Ли Ханьцзюнь, и много у тебя таких роскошных нарядов? – спросил Лю Жэньцзин.
- Хватило бы на всех делегатов съезда, – похвастался молодой богач. – Жаль, что только

Мао Цзэдун воспользовался.

- Недаром говорят, что ты и твой брат – одни из самых богатых людей Шанхая.
- Есть такое дело.
- И машина у тебя – высший класс.
- У последнего русского императора была такая.

– А не боишься, что пролетарская революция отнимет у тебя все богатство?

Ли Ханьцзюнь задумался и не сразу ответил, но ответ его пришелся всем по душе:

– Революция – сама по себе богатство. Ради нее я готов всем пожертвовать.

– Прекрасно сказано, Ли Ханьцзюнь! – восхитился Ронг. – Конфуций, какое изречение есть у тебя на сей счет?

– Низкий человек суетливо поджидает удачу, а благородный муж с достоинством ожидает велений неба, – не моргнув глазом произнес Мин Ли.

– Все-таки, без Конфуция нам хреново! – засмеялся Лю.

И все тоже засмеялись, находясь в возбуждении от предстоящего события. Лю дергал ногой, и Ли Ханьцзюнь заметил это:

– Лю, ты чего ногой дрыгаешь? Перестань так волноваться!

– Благородный муж в душе безмятежен. Низкий человек всегда озабочен, – нашлась у Мин Ли цитата из Конфуция.

Лю взъерепенился:

– Слушай ты, благородный муж! Мало тебе тогда синяков понаставили? Я могу добавить.

Конфуций продолжал сыпать мудрыми изречениями:

– Если в человеке естество затмит воспитанность, получится дикарь. А если воспитанность затмит естество, получится Книжный Червь Лю Жэньцзин. Лишь тот, в ком естество и воспитанность пребывают в равновесии, может считаться достойным мужем.

– Заткнись, Конфуций! – сердился Лю. – Коммунистическая партия Китая не нуждается в твоих изречениях.

Но Конфуция уже невозможно было остановить:

– Прошу тебя, Лю Жэньцзин, будь более человеколюбивым! Для народа человеколюбие нужнее, чем огонь и вода. Я видел, как от огня и воды погибали, но не видел, чтобы кто-нибудь погиб от человеколюбия.

– Слушай, я ведь точно тебе сейчас врежу!

– Закрой ручей своего красноречия, Конфуций, не то его устье может и впрямь быть повреждено, – засмеялся Тигрёнок.

– Не поговорить с человеком, который достоин разговора, то же самое, что пройти мимо бесценного клада.

– Ну все, сейчас ты у меня получишь по морде!

Лю сделал замах, как бы намереваясь ударить Мина, но Мин выхватил из кармана маску морщинистого старика и проворно надел ее себе на лицо.

Трипль-фаэтон выехал на мост Вайбайду, с которого открылся прекрасный вид на консульство Российской империи. Уже отсюда можно было заметить, что там вовсю идет праздник. Из дверей выбегали гости бала-маскарада, разодетые в основном в китайские национальные костюмы, у многих на лицах маски. Со двора консульства начали взмывать в небо фейерверки.

Ронг воскликнул:

– Ух ты! Здорово!

А Ли Ханьцзюнь заметил:

– Главное – прибыть в разгар праздника, когда всем уже до фонаря, кто ты и откуда прибыл. Тигрёнок Ронг, приготовь свой французский.

– Он у меня всегда наготове, Ли Ханьцзюнь.

Го Лиан вел машину по мосту над рекой Сучжоухэ. Со всех сторон открывались прекрасные виды Шанхая.

– До чего же красивый город! – воскликнул Ронг.

* * *

На бал-маскарад в консульство Российской империи в Шанхае собралось человек сто. Большинство было наряжено в китайские национальные костюмы – да и немудрено: их легче всего было достать или заказать на прокат. Над входом в здание, иллюминированное несколькими десятками разноцветных лампочек, красовался большой портрет Гроссе и надписи на китайском и русском языках:

В. Ф. ГРОССЕ. 20 ЛЕТ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ В ШАНХАЕ

Уже стемнело. В небо взлетали фейерверки, с треском взрывались, рассыпаясь многоцветными искрами. Гости весело смотрели в небо на эти огненные букеты, стараясь отогнать от себя невеселые мысли о потерянной Родине, о пугающем будущем, о нехватке средств, которую неизвестно чем можно будет пополнять.

Здесь же присутствовали в своих повседневных церковных облачениях двое священников – отец Лаврентий Красавченко лет шестидесяти и отец Иоанн Витютнев лет на пять помоложе. Оба сурово молчали.

Донской явился в генеральском мундире, но на лице у него сидела маска удивленного розовощекого юноши.

– Прикажите музыкантам поспешить сюда! Будем танцевать в парке, – велел он.

Самсонов и Григорьев пришли в облачениях даосских монахов, на лицах – одинаковые маски бледных исхудавших старцев. При этом они не пропускали ни одного официанта с подносом, чтобы непременно поставить осушенные бокалы и взять новые с вином или пивом. Приподнимали маски с изнуренными минами и пили за милую душу.

– Я уже не разбираю, кто тут настоящие китайцы, а кто наши, – признался Самсонов.

– Вон те – китайцы. Гости от шанхайского правительства. Вон те – тоже. Богатые меценаты. Видишь, как наш консул перед ними выплясывает. – Григорьев показывал на две группы гостей. Около одной из них стоял сам виновник сегодняшнего торжества, наряженный как китайский император.

– Выгадать момент и навалить им по первое число!

– Нельзя, брат Самсонов! На какие шиши потом Гроссе будет задвигать такие журфиксы?

Музыканты уже разместились в отдельном уголке парка, дирижер взмахнул руками, и струнный октет принялся играть «Канон» Пахельбеля.

Автомобиль Ли Ханьцзюня, в котором сидели также Ронг, Лю и Мин, выехал с моста на улицу Дамин и свернул на улицу Хуанпу, приближаясь к консульству Российской империи.

– Только чур не сразу! Дождитесь, когда они хорошенечко поднапьются, и только тогда действуйте, – предупредил Ли Ханьцзюнь.

– Если удастся поджечь здание, это будет хороший подарок нашему съезду, – сказал Книжный Червь.

– Только умоляю: действуйте осторожнее, чтобы никто нас не заподозрил, – наставлял благоразумный Ли Ханьцзюнь, на что у Конфуция мгновенно нашлась цитата:

– У сдержанного человека меньше промахов. Как можно не доверять нам? Это все равно, что ехать в повозке без оси.

– Конфуций, сними маску – я тебя все-таки ударю! – зверски оскалился Лю.

– Не вздумайте только мне еще там подраться друг с другом или с кем-то из русских, – предупредил Ли Ханьцзюнь.

– Да я же в шутку ему угрожаю, – буркнул Лю, явно криводушничая.

Трипл-фаэтон самого богатого коммуниста подъехал к консульству. Го остался за рулем, чтобы быть всегда готовым дать по газам и увезти своих товарищей с поля боя, а Ли Ханьцзюнь, Ронг, Мин и Лю вышли из машины. Ли Ханьцзюнь зашагал впереди всех, показывая пример, как надо идти – неспешно и с достоинством.

– Учись, Лю Жэньцин, как должен вышагивать благородный муж, исполненный достоинства и чувства собственной правоты, – промолвил Конфуций, у которого неплохо получалось подражать походке Ли Ханьцзюня.

Ронг вышагивал просто и естественно, а Лю никак не мог справиться со своей дерганной, взволнованной походкой. Все четверо вошли в парк, где их встречали двое лакеев. Ли Ханьцзюнь остановился, пропуская вперед Ронга.

Тигрёнок обратился к лакеям по-французски:

– Добрый вечер! Этот человек – Ли Ханьцзюнь, самый богатый предприниматель и меценат в Шанхае. Помогал деньгами Белому движению. Мы – его братья. Мы приглашены господином консулом Гроссе участвовать в празднествах по случаю двадцатилетия его деятельности в Шанхае.

Лакеи, из бывших солдат Белой армии, с полупоклоном показали жестами, что гости могут пройти. Ли Ханьцзюнь, Ронг, Мин и Лю вошли в парк, на ходу надевая: Ли Ханьцзюнь – маску сердитого черного лица, Ронг – озорного и совсем не злобного тигра, Лю – зеленого болотного чудища, а Мин так и не снимал маски, надетой еще на мосту.

– Здорово! Прошли, как по маслу! Что ты им сказал, Мяо Ронг?

– Что все мы друзья самого Ленина.

– Не ври, скажи правду, – не отставал от Ронга Лю Жэньцин.

– Я просто знаю одно заветное русское слово, но тебе не скажу.

– Скажи!

– Только за очень большие деньги.

– Это не по-коммунистически!

Арнольд Гроссе в костюме китайского воина, но без маски, с подозрительностью глянул на новоприбывших китайцев.

– Вот этот тоже принимал участие во вчерашней потасовке на Торговой площади, – заметил его Мин.

– Держитесь от него подальше, – приказал Ли Ханьцзюнь. – А вон тот господин – генерал Донской.

– Вон тот? – взвился Книжный Червь. – Самый наш отъявленный классовый враг!

Официант подошел к новым китайским гостям с подносом, все четверо взяли по бокалу, стали отпивать. Ли Ханьцзюнь и тут встрял со своими наставлениями:

– И смотрите не напивайтесь! Если захотите, я потом вам выкачу выпивона на любой вкус – хоть обпейтесь!

Ронг глубоко вздохнул и посмотрел на небо, озаренное полной луной:

– Взгляните, сегодня полнолуние!

Музыканты закончили «Канон» Пахельбеля и замерли. Гроссе обратился к публике, стараясь говорить как можно громче:

– А теперь, господа, внимание! На небе воссияла луна, и все мы готовы встретить царицу бала, богиню луны – несравненную Чан Э!

Музыканты немного замешкались и заиграли «Марш пышных церемоний» Элгара. На здании выключилась иллюминация, и все остальное электричество погасло. Вдруг вспыхнул прожектор, озаряя лестницу в одном из углов парка, которая прежде не была видна.

На верху лестницы стояла Чан Э, богиня луны, а точнее – Елизавета Александровна Донская в своем костюме, который она примеряла накануне утром.

В небо с хлопками и треском вновь взвились фейерверки. Ли начала торжественно и неспешно спускаться по лестнице. Все стали ей рукоплескать, а генерал Донской обратился к балу-маскараду со своей речью:

– У богини луны есть жених. Самый лучший охотник в Китае по имени И. Сейчас он сделает выстрел из своего лука, поразит стрелой бога зла, и богиня луны сойдет своими ножками на землю.

В одном из окон консульства появилась Ландышева, она вывесила наружу поясной портрет Ленина и удалилась. Портрет нарисован был кое-как, но Ленин узнавался.

Донской продолжал:

– Перед нами демон зла, разрушитель космического и социального равновесия Гунгун.

При виде портрета Лю Жэньцин рассердился:

– Подождите, это же Ленин! Ну, я им сейчас!..

Но Ли Ханьцзюнь схватил его за широкий шелковый рукав:

– Это не Ленин, а Гунгун. Терпение, друг мой, терпение!

Охотник И взял свой лук, вставил стрелу, натянул тетиву, прицелился и выстрелил. Он оказался хорошим стрелком – стрела вонзилась Ленину прямо в грудь. Все закричали от восторга, захлопали в ладоши. Все, кроме Ли Ханьцзюня, Ронга, Мина и Лю.

– Я не буду хлопать!

– Ни за что!

– На нас уже косо смотрят.

– Ну и пусть.

– Ронг, ты чего замер, как окаменевший янтарь? Эй, приятель!

Ронг стоял, слегка разинув рот под тигриной маской, закрывающей его лицо как раз до рта. Он застыл, глядя на Чан Э, которая медленно спускалась с лестницы и ступала на землю. Донской подал ей руку и повел к охотнику И. Охотник принял богиню луны и стал танцевать с ней.

– Я не заказывала себе никакого жениха, – сказала Чан Э.

– А я вот возьми и появись! – ответил охотник.

– Охотник И... А вы знаете, что, согласно китайской мифологии, Чан Э приняла снадобье бессмертия и унеслась на луну, поскольку охотник И надоел ей хуже горькой редьки?

– Обещаю вам, что я не надоем.

Музыканты закончили играть Элгара.

– Пустите меня, охотник И, музыка кончилась, – сказала Чан Э и вырвалась из рук Трубецкого.

– Прошу вас: еще один танец! – воскликнул охотник И в восхищении перед красотой богини луны в ее великолепном облачении.

Музыканты, взяв совсем небольшую паузу, заиграли вальс Штрауса «На прекрасном голубом Дунае». Чан Э стремительно подошла к первому попавшемуся гостю в маске смешного тигра, взяла его за руку и увлекла в танец.

– Что же вы, охотник И, не удержали свою добычу? – подойдя к Трубецкому, с укоризной спросил Донской. И оба они, генерал и полковник, стали смотреть, как прекрасная богиня луны вальсирует со своим новым избранником. По ее примеру дамы стали сами приглашать кавалеров, и все вокруг наполнилось кружением вальса.

– Эта богиня луны на самом деле – дочка генерала Донского, – оповестил своих товарищей Ли Ханьцзюнь.

– Нашего заклятого классового врага! – воскликнул Книжный Червь.

– В программе нашей партии пока еще ничего не сказано про то, можно ли танцевать вальс с дочерьми классовых врагов, – усмехнулся Ли Ханьцзюнь.

– Предложу завтра же это вписать, – не унимался Лю Жэньцзинь.

– А проводить коммунистический съезд в доме классового врага можно? – смеялся молодой богач. – А в компании классового врага приезжать на бал-маскарад к классовым врагам? Ну что молчишь, Червячок?

А тем временем Тигрёнок Ронг продолжал вальсировать с богиней луны, зачарованно глядя на нее.

– Что вы так смотрите на меня, тигр? – вскинула бровь Чан Э, спрашивая его по-русски. – Эй, скажите хоть что-нибудь!

Он понял, что она вызывает его к разговору, но не знал, что сказать.

– Ну же! Не то я не стану с вами дальше вальсировать.

И он вдруг выпалил по-французски:

– Струи любви...

– Что-что?!

– Впервые в жизни... Впервые в жизни я чувствую, как струи любви текут по моему сердцу.

– Вы что, не говорите по-русски? Вы француз? – спросила Чан Э, тоже перейдя на французский.

– Я – китаец. Говорю по-китайски и по-французски. Но ни в том, ни в другом языке нет слов, способных выразить то, что я чувствую, – смелел Тигрёнок.

– Китаец? Я тоже китаянка – богиня луны Чан Э, – немного смутившись, сказала его партнерша по танцу.

– Нет, я и в самом деле китаец. Меня зовут Ронг Мяо.

– Как смешно! Тигрёнок Мяу! – засмеялась она по-русски.

– Что вы сказали? – не понял он.

Она вернулась к французскому:

– У вас такой голос... Как будто я уже много раз слышала его. Но не наяву, а во сне. Боже мой! Я видела вас в этом наряде!

– Где? Тоже во сне?

– Нет, тоже сегодня утром. В зеркале.

– В зеркале?!

– Приподнимите маску.

– Зачем?

– Делайте все, что я вам приказываю!

Ронг открыл лицо, и богиня луны на несколько мгновений замерла, пораженная до глубины души.

Арнольд, танцующий с какой-то дамой, в этот момент бросил взгляд в сторону Ронга и увидел, как тот приподнял маску. Смеющееся лицо Арнольда вмиг наполнилось гневом.

– Да, это ты! – сказала Чан Э.

– Да, это я! – согласился Тигрёнок. – А это ты! Как звать тебя на самом деле?

– Ли.

– Ли? Но это китайское имя, а ты не китаянка.

– Я русская. Мое имя Елизавета. Но все зовут на китайский лад – Ли. Это я сама себе так придумала.

– Ли... По-китайски это значит «вертикаль». Вертикаль между небом и землей. И я чувствую, как ты соединяешь меня, живущего на земле, с небесами.

– Ты говоришь такие слова...

– Плохие?

– Прекрасные! Самые прекрасные, какие я только слышала в жизни! И ты сам так прекрасен. Покажи мне еще раз твое лицо.

Ронг снова приподнял маску.

– Сейчас ты еще прекраснее, чем когда открыл маску впервые, – сказала богиня луны.

Музыка уже кончилась, но они продолжали вальсировать. Музыканты заиграли другой вальс того же Штрауса – «Сказки венского леса». Ронг и Ли продолжали вальсировать под него.

Арнольд раскланялся со своей дамой, подошел к охотнику И, который стоял в сторонке, пил вино и ни с кем не танцевал.

– Она танцует с одним из тех китайцев, с которыми мы дрались на Торговой площади.

– Да ты что? А кто он такой? – встрепенулся охотник.

– Это не мешало бы выяснить.

А Ронг и Ли продолжали влюбленно танцевать.

– А твое имя? Что значит твое имя?

– Ронг значит «воинственный», а фамилия Мяо – «растущие саженцы».

– Ронг Мяо... Смешно. Тигрёнок Мяу. Я буду так тебя звать, – Ли снова перешла на русский язык.

– Как прекрасна русская речь в твоих устах! Доселе русский язык казался мне некрасивым и бесформенным, – сказал Ронг по-французски.

Пока продолжались танцы, Лю и Мин уже пытались хоть как-то напакостить. Незаметно переливали водку из рюмок, стоящих на столе, в расположенные рядом бокалы с вином и пивом. При виде двух даосских монахов отскочили от стола и ушли в тень.

– И подраться не с кем! – сказал один из монахов.

– Связаны по рукам и ногам! – согласился второй.

– Давай хотя бы напьемся, друг Григорьев.

– Давай, брат Самсонов!

И они принялись пить все подряд из бокалов с вином и пивом, куда Лю и Мин только что перелили водку.

– За нашу любимую Родину, пропади она пропадом! – сказал даосский монах Самсонов.

– Пусть там теперь краснопузые с ней мучаются, – согласился даосский монах Григорьев.

– Вот именно!

– А мы и тут, в Китае, не пропадем.

Тем временем Лю и Мин уже проникли тайком в здание консульства в поисках, что бы здесь натворить.

– Во мне так и пылает классовая ненависть! – воскликнул Книжный Червь.

– Мудрый не знает волнений, человечный не знает забот, смелый не знает страха, – молвил Конфуций.

– Слушай, ты, Конфуций, сейчас не до тебя!

А в парке все танцевали: Ронг вальсировал с Ли, генерал – с генеральшей, консул – с консульшей.

Арнольд и Трубецкой о чем-то поговорили с китайцами – гостями от шанхайского правительства, затем вместе с ними подступили к одиноко стоящему Ли Ханьцзюню. Тот снял маску, представители шанхайского правительства тотчас узнали его и стали по очереди с почтением пожимать ему руку. Арнольд и Трубецкой тоже вынуждены были обменяться с ним рукопожатиями. С разочарованным видом они отошли от китайцев и стали танцевать с двумя дамами. Оба с ненавистью поглядывали на то, как Ли танцует с Ронгом. Это был уже их третий вальс Штрауса – «Весенние голоса».

Из здания консульства вышли Мин и Лю. Даже по походке легко было заметить, что они уже напакостили. Подошли к Ли Ханьцзюню.

– Ли Ханьцзюнь, нам пора отсюда сваливать.

– Сейчас такое начнется!

Молодой богач мгновенно оценил обстановку:

– Надо только вырвать Тигрёнка из цепких лап вальса.

– Как? Он все еще танцует?

– С дочкой нашего классового врага?!

Мин торопливо направился к Ронгу и попытался ухватить его за широкий рукав халата:

– Ронг! Нам пора сваливать! Ты что, не слышишь меня? Ронг!

И тут в здании консульства раздались первые тревожные крики, оттуда повалил дым – сначала слабый, потом все гуще и гуще. Танцующие пары стали распадаться: всех привлекло то, что творилось в здании. А там явно начался пожар. Музыканты, поглядывая в сторону клубов дыма, продолжали играть вальс, а Ронг и Ли оказались теперь единственными танцующими среди разгорающейся паники. Теперь к ним подошли все трое молодых коммунистов:

– Мяо Ронг, мы уходим. Хорошо бы и тебе с нами.

– Бежим вместе, Ли! – выпалил Ронг, нисколько не ожидая, что девушка согласится. Но она вдруг засмеялась и воскликнула:

– Бежим!

И, пользуясь тем, что внимание всех без исключения было привлечено к пожару, четверо молодых китайцев и похищенная ими богиня луны бросились наутек. Они выскочили с территории консульства на улицу Хуанпу, где их с нетерпением ждал за рулем Го Лиан. С громким смехом нашкодившая банда диверсантов вскочила в автомобиль, и водитель рванул с места в карьер.

В трипл-фаэтоне с открытым верхом было три ряда сидений. На переднем ряду сидели водитель и владеец шикарного автомобиля Ли Ханьцзюнь, на втором ряду разместились Книжный Червь и Конфуций, а на заднем – влюбленная парочка. Ронг даже слегка приподнял кожаный верх машины, как бы уединяясь со своей возлюбленной ото всех остальных.

– Что вы там натворили, разбойники? – оглянулся с переднего сиденья Ли Ханьцзюнь.

– Мы? – откликнулся Конфуций. – Ничего особенного. Мы просто прогуливались по залам консульства, как на экскурсии. Но Лю Жэньцзин так сильно пылал классовой ненавистью, что пламя от него перекинулось на портьеру, и она возгорелась. Нет ничего более прекрасного и непонятного, чем природа огня!

– Надеюсь, этого никто не видел?

– Никто. Ли Ханьцзюнь, за кого ты нас принимаешь! – возмутился Книжный Червь.

А на галерке шел разговор по-французски:

– О чем они говорят? – спросила Ли.

– О том, что пожар, пылающий в самой России, перекинулся на российское консульство в Шанхае, – ответил Ронг.

– А куда мы едем? Я сошла с ума! Вот безумная! Но до чего же хорошо это безрассудство!

Ронг сорвал с лица маску и, набравшись храбрости, жадно приник губами к губам Ли. Тотчас же и смутился. Первый поцелуй получился коротким.

– Что это было? – спросила богиня луны.

– Бабочку моих губ давно манили лепестки твоих прекрасных уст, – ответил храбрый Тигрёнок.

– Не улетай, бабочка! Вернись скорее!

И Ронг снова приник губами, на сей раз увереннее и дольше. В отличие от первого, второй поцелуй не остался незамеченным. Ли Ханьцзюнь и Мин издали возгласы веселого восторга.

Книжный Червь сморщился от негодования:

– Ронг! Что ты делаешь? Ты знаешь, кто она?

– Моя невеста!

– Твоя невеста – дочь генерала Донского. Нашего лютого классового врага!

– Правда?

– К сожалению, правда, и тебе не видать ее как своих ушей, – подтвердил Ли Ханьцзюнь.

– Ты – дочь генерала Донского? – спросил Ронг, вновь перейдя с китайского языка на французский.

– Да, конечно, – ответила богиня луны. – А ты разве не знал?

– Нет, откуда мне было это знать?

– Теперь ты узнал, и что?

– О, лучше бы ты была у генерала кухаркой!

– Но почему, Мяу?

– Потому, что мы – молодые китайские коммунисты и наша цель – бороться с такими, как твой отец.

– О Боже! Не может быть! Так не должно быть! – Богиня луны закрыла лицо руками, но не разрыдалась, а расхохоталась.

Машина выскочила на мост Вайбайду, с которого было хорошо видно, как над зданием российского консульства встает облако дыма, а в окнах здания полыхает огонь. Го Лиан остановил машину, а Ли Ханьцзюнь, Мин и Лю встали, чтобы лучше разглядеть происходящее на левом берегу реки.

– О, не закрывай луну своего прекрасного лица облаками рук! – сказал Ронг богине Чан Э.

Он взял ее руки, отвел их от ее лица и в третий раз приник к губам. Никто не видел этого третьего, долгого и страстного поцелуя – все были захвачены зрелищем пылающего здания.

По мосту мимо их автомобиля с ревом пронеслись пожарные машины.

* * *

На территории консульства уже не звучала музыка – вместо нее в полутьме метались крики, возгласы возмущения, кто-то негодовал:

– Ни в России, ни здесь нам житья нет!

А кое-кто уже спешил покинуть тонущий и горящий корабль, жалобный осколок великой Российской империи.

Донской и Донская чуть ли не за грудки схватили Трубецкого.

– Где моя дочь? – спросил генерал.

– Где наша дочь? – спросила генеральша.

– Откуда мне знать? – сердито отвечал полковник.

– Как откуда! Разве вы не жених ей? – взвизгнула Маргарита Петровна.

– Да какой там жених! Она знать не хочет, как меня зовут!

– Так сами же себя и вините за это, голубчик, – горестно заявил Александр Васильевич.

Двое даосских монахов уже лыка не вязали. Едва стоя на ногах, один из них смеялся, глядя на пожар:

– Гори! Гори, Россия-матушка!

Другому, напротив, было не до смеха. Он готов был разрыдаться:

– Там ребенок сгореть может! Спасу!

Монах Григорьев бросился в сторону горящего здания. Монах Самсонов пытался его задержать, и они сцепились друг с другом у входа, прямо под портретом Гроссе.

– Да какой ребенок, очухайся! – кричал Самсонов.

– Маленький такой. Крошка! Его забыли в колыбельке, он сгорит! – вопил Григорьев.

– Да нет там никакого ребенка!

– Убери руки!

– Не уберу!

- Отцепись от меня, тебе сказано!
- Сгоришь, дурень!
- Я дурень?!

Григорьев вырвал руку из цепких лап Самсонова и подарил приятелю вескую зуботычину.

- Ах вот как!

Самсонов схватил друга за грудки, и они стали бороться. И в это трагикомическое мгновение сверху на них упал портрет консула Российской империи в Шанхае Виктора Фёдоровича Гроссе. Выполненный из тонкого картона, но заключенный в тяжелую дубовую раму, он рухнул с такой силой, что голова Григорьева проткнула его, и даосский монах оказался в новом карнавальном костюме, не понимая, в чем дело, потащил за собою портрет, пока Самсонов не освободил его.

Вместо музыки зазвучали клаксоны пожарных машин. Замелькали пожарные, засуетились, разматывая пустые голодные шланги, которые вскоре превратились в толстых сытых удавов.

- Скорее! – кричал Виктор Фёдорович. – Умоляю! Спасите! Голубчики! Китайчики мои!

– Содом и Гоморра, – вдруг, словно припечатал, произнес изрядно подвыпивший отец Лаврентий Красавченко и осенил горящее здание широким крестным знаменем: – Господи, спаси и сохрани!

* * *

А шикарный трипль-фаэтон Ли Ханьцзюня рассекал шанхайскую ночь – скатившись с моста Вайбайду, помчался по правому берегу реки Сучжоухэ вдоль парка Хуанпу.

Ронг и Ли снова целовались, и теперь все опять обратили на это внимание.

– Мяо Ронг! Перестань целоваться с дочкой классового врага! – негодуя, требовал Книжный Червь.

– Отстань от них, Лю Жэньцзин! – рявкнул на него Ли Ханьцзюнь, а Конфуций изрек цитату:

– Человек, ни разу не влюблявшийся в женщину, опасен для общества и не способен к добродетели.

Ронг и Ли перестали целоваться и, пьяные от любви, взглянули на своих попутчиков.

– Остановите машину! – потребовал Тигрёнок.

– Зачем?

– Остановите, мы хотим тут выйти.

Ли Ханьцзюнь толкнул Го Лиана в плечо:

– Остановись на минутку!

Автомобиль затормозил. Ронг встал, взял за руку Ли:

– Выходим!

– Зачем?

– Не спрашивай, просто иди со мной, и все.

Они вышли из машины и направились в сторону западных ворот парка Хуанпу.

– Скатертью дорожка! – крикнул им вслед Книжный Червь и добавил: – Надеюсь, вернувшись поутру, он сообщит съезду нашей партии, что утопил ее в озере.

Трипль-фаэтон устремился дальше.

* * *

А Мяо Ронг и богиня луны вскоре брели, обнявшись, по прекрасному парку, озаренному луной.

– Это самый старый парк Шанхая, – говорил юноша. – Парк Хуанпу. Полвека назад его устроили англичане на свой лад. Еще недавно у входа можно было увидеть табличку, повешенную англичанами: «Собакам и китайцам вход воспрещен». Но Китай поднимается с колен, и теперь уже появление таких надписей невозможно.

– Как здесь хорошо! И никого нет. Мы одни, – произнесла девушка. – И нисколько не страшно.

– Я люблю тебя! – сказал Ронг. – Я полюбил тебя сразу, едва только увидел, как ты спускаешься с лестницы.

– А я тебя еще раньше, когда увидела в зеркале.

– Но я не мог в нем отражаться. Это противоречит реальности.

– А то, что мы встретились и полюбили друг друга – молодой китайский коммунист и дочь русского белогвардейского генерала, – разве это не противоречит реальности? Что с нами будет, мой Мяу?

– Если ты меня любишь, то станешь моей женой.

– Но как?!

– Очень просто. Не вернешься к родителям. Мы уедем с тобой куда-нибудь из Шанхая. В Париж! Это чудесный, волшебный город. Я буду много работать, мы заживем на Монмартре, а когда разбогатеем – в Пасси. Там, где жил Оноре де Бальзак, где окончил свои дни Мопассан, а сейчас там селятся русские писатели-иммигранты.

– Париж... Опять иммигранты... Ну хорошо, пусть даже Париж. Но как мы поженемся? По-русски или по-китайски?

– Как ты захочешь.

– Мне нравится твоя решительность. Ее так не хватает у наших белых офицеров! Я хочу и по-русски, и по-китайски. Для этого ты должен будешь покреститься.

– Да? Это обязательно?

– Ну конечно. Я хочу, чтобы все было по-настоящему.

– Я подумаю об этом.

– Ну вот, ты уже сомневаешься...

– О нет, луна моя светлая! Я не сомневаюсь! Все, что ты пожелаешь, я сделаю. Креститься – значит креститься!

Они вышли к маленькому очарованному озеру, озаренному луной. Здесь же поблизости шумел водопад. Ронг и Ли уселись на скамейке в уютной укромной беседке и снова целовались.

– Нет, нет... Я уже задыхаюсь от тягостных желаний! – выдохнула Ли, отрываясь от губ своего возлюбленного, которого еще несколько часов назад знать не знала.

– Я тоже, Ли! Я тоже.

Ли взъерошила волосы на голове у Ронга:

– Мой Тигрёнок Мяу!

– Как будет по-русски «я люблю тебя, Ли»? – спросил он.

– Я люблю тебя, Ли, – ответила она по-русски.

– Я люю тибя, Ли, – повторил он.

– Сам ты люю! – засмеялась она. – Боже, как мне хорошо! А ведь все так плохо! Как я буду жить дальше без своего Мяу!

– Что ты лопочешь? Я по-русски знаю пока только «Я люю тибя, Ли».

Она прижалась к его груди щекой.

* * *

Пожар в консульстве Российской империи потушили, но праздник был безнадежно испорчен. Гости разъехались, и по парку ходили только Гроссе, Донской, Донская, Арнольд, Трубецкой да еще несколько человек. Все они оставались в маскарадных костюмах, кроме слуг. Пожарные, намереваясь уехать, сворачивали своих «удавов», вновь превратившихся в голодные кишки. Самсонов шастал по парку в поисках Григорьева.

– Как мы будем жить теперь там, в такой вонище? – сокрушался генерал. – Мало нам было русских пожарищ – теперь еще будем дышать китайскими.

– О чем ты горюешь, Александр Васильевич! Где мы будем искать нашу дочь – вот что скажи мне! – переживала Маргарита Петровна.

– Она отыщется. Вздорная девчонка. Воспользовалась суматохой и сбежала с китайцами. Это видели лакеи. Какой стыд! – негодовал Донской.

– Видели и не остановили, мерзавцы! – произнес охотник И. – Пора нам, господа, переодеться. Позвольте откланяться. – И охотник И навсегда ушел с театра истории, чтобы снова превратиться в полковника Трубецкого.

– Полагаю, и пожар устроили те же китайцы, – высказал предположение штабс-капитан Арнольд Гроссе. – Мне сразу показалась подозрительной их компашка. Этот молодой богач привел с собой троих бандитов-поджигателей. Надо разыскать его и взять за жо... за шкуру. Забыл только, как его зовут.

Самсонов, наконец, нашел где-то в кустах Григорьева. Пьяный приятель сидел, обхватив голову, и рыдал:

– Малютка! Маленькая крошечка! Ребенок! Сгорел в пожаре, а мне не дали его спасти.

– Дружище, опомнись! – стал трясти его Самсонов. – В здании не было ни одной штуки детей. Даже подростков, не говоря уже о младенцах.

– Нет, нет, ты не знаешь. Маленький-маленький малыш. Остался один и сгорел, – не унимался Григорьев.

– Вот заладил! Пойдем лучше выпьем еще. Хорошо, что хоть водка и вино не сгорели.

– Малыш, малыш... Остался один и сгорел. – Григорьев в страшнейшем горе красными глазами посмотрел на своего приятеля: – И этот малыш был я!

* * *

Певица Лули в клубе «Ночная красавица» пела о том, как сердце разговаривает с ногами, руками и головой, спрашивая их, почему они еще способны ходить, действовать, думать, если тот, кого сердце любит, перестал являться на свидания, и оно, сердце, не хочет больше работать бесполезно, привыкшее стучать в такт другого сердца, которое отныне бьется не для него.

Лули пела, осторожно поглядывая на тот столик, где когда-то сидел ее Тигрёнок Ронг, а теперь восседал какой-то другой китаец. Он расплатился и ушел, столик ненадолго остался пустующим, и вдруг она увидела, как за этот столик садится тот русский офицер, что пытался ухаживать за ней на пароходе «Речная красавица». На душе стало еще тоскливее. Русский офицер примерно ее лет смотрел на нее, не отрывая взора. А когда она закончила песню о сердце, он встал и решительно подошел к сцене. Обратился к ней по-французски:

– Позвольте угостить вас вином, прекраснейшая Лилу.

– Мое имя не Лилу, а Лули, – холодно ответила певица. – И если я захочу вина, то могу сама его себе преподнести.

Потом она снова пела, а он сидел, напивался и угрюмо смотрел на нее весь вечер, пока не разошлись гости «Ночной красавицы» и ранний июльский рассвет не оповестил о своем при-

ближении легкими дуновениями ветерка. Оркестранты стали складывать свои инструменты в футляры, пианино накрыли льняным балахоном. Лули, как водится, поблагодарила музыкантов за их добросовестную работу и спустилась со сцены, чтобы идти к себе домой, но русский офицер перегородил ей дорогу и теперь просто молча смотрел на нее.

– В чем дело? – спросила она по-французски.

– Я дам вам денег, – сказал Трубецкой почему-то по-английски. – Много денег. Сколько вы получаете за месяц своим пением?

– Bastard! – сказала Лули тоже по-английски и влепила ему сочную пощечину.

* * *

Негоже было ему, представителю одного из самых славных русских княжеских родов, получить пощечину – и от кого! – от расхожей китайской певички с каким-то условным именем Лули.

Борис Николаевич знал свое генеалогическое древо от единого для всех Трубецких корня – то бишь от великого князя Литовского Гедимина, а стало быть, аж с XIII века от Рождества Христова. Внук Гедимина Дмитрий Ольгердович, участник Куликовской битвы, владел Трубчевском, и от того-то и пошла фамилия Трубецких. Один из сыновей Дмитрия Ольгердовича перешел в услужение к московским государям, и от него пошла та ветвь, к которой принадлежал получивший пощечину от китайки Борис Николаевич. В разные века разные его предки имели славу, служа государству Российскому; среди них были и опальные, и опричники, и храбрые воеводы, и перебежчики в стан вражеский, и собиратели, и расточители, и строители, и разорители. Во времена Смуты один из них сверкал среди соискателей короны царской и потом возненавидел Романовых. Потомки его унаследовали неприязнь к царствующей династии, и сия неприязнь стала особой семейной традицией – хорошо отзываться о ком-либо, кто в данное время сидел на троне, считалось не просто дурным тоном, а пощечиной всем представителям этой ветви Трубецких. Служить верой и правдой являлось для них главной честью, но произносить искренние хвалебные слова – увольте!

Предок Бориса Николаевича в восьмом колене родился в один день с Петром Великим, был его полным тезкой – Петром Алексеевичем, во всем поддерживал царя-реформатора с самого «начала славных дел», можно сказать, сидел на краешке «гнезда Петрова» и почти был одним из птенцов оногo гнезда, отличился в Полтавском сражении и искренне оплакивал преждевременную кончину русского исполина... Но в домашнем кругу он не называл первого российского императора иначе, чем Петрушкой или голландским коньком.

Сын того Петра Алексеевича Игнатий Петрович вместе с Долгоруковыми способствовал восхождению на престол юного царевича Петра II, но дома говорил:

– Сего легоглавого Романёнка в обозрении его пристрастия к пианству, унаследованному равно от папаши и деда, следует и впредь спаивать, дабы пресечь династию, бесполезную для Отечества нашего.

Кстати, сей же Игнатий Петрович первым из Трубецких столкнулся с китайцами, когда империя Цин, пользуясь размножением своих подданных в сибирских землях, вознамерилась отхватить себе немалый кусок Сибири, вплоть до Тобольска. Вместе с графом Рагузинским Игнатий Трубецкой участвовал в горячих спорах и устрашении китайских дипломатов, в результате чего был заключен мирный договор, китайцам предоставили больше свобод в торговле, а земли остались российскими.

Василий Игнатьевич, будучи молодым гвардейцем, находился в той самой гренадерской роте Преображенского полка, что ворвалась в Зимний дворец и возвела на престол незаконнорожденную дочь Петра Великого и Екатерины I. В знак благодарности веселая незамужняя Елизавета Петровна ввела хорошенького гвардейца в число своих любимчиков. Когда он обза-

велся семьей, ничуть не считал зазорным помнить об этой мимолетной близости, и всякий раз, услышав имя Елизавета или прочитав его где-нибудь, Василий Игнатьевич мурлыкал себе под нос:

– Лизавета, Лизавета, моя сладкая конфета.

И сия поговорка вошла в традицию данной ветви князей Трубецких.

В битве при Кунерсдорфе, сражаясь под знаменами славного Петра Семёновича Салтыкова, Василий Трубецкой вкупе с другими славными воинами уничтожил прусскую армию, а затем победоносно вошел в Берлин.

Преданно служа Романовым и одновременно тайно презирая их, предки Бориса Николаевича Трубецкого неизменно богатели, несмотря на то что и среди них попадались транжиры, как сын Василия Игнатьевича – Дмитрий Васильевич. Во время убийства Петра III он находился в Ропше, но к восшествию на престол Екатерины II не мог быть причастен, ибо пребывал еще в десятилетнем возрасте. И в отличие от своего отца не стал одним из фаворитов великой женщины, которая, лишь овдовев, стала государыней императрицей. И в семье не появилось поговорки: «Катерина, Катерина, моя сладкая перина».

Молодым офицером Дмитрий Васильевич вместе с генералом Александром Васильевичем Суворовым участвовал в пленении Пугачёва, присутствовал при первых допросах самозванца, но, вместо того чтобы еще более ожесточиться против кровавого бунтаря, вдруг попал под некое очарование этой личности и даже позволял себе в нетрезвом виде высказываться в таком духе:

– Русский мужик. Вот кого на трон бы. Зачем служим немке?

Когда Пугачёва везли в Москву на двухколесной арбе в клетке, Трубецкой даже пытался устроить ему побег, но не получилось, и попытка, к его счастью, осталась незамеченной. А когда на Болотной площади в Москве при огромном скоплении народа голова Пугачёва откатилась от тела, Дмитрий Васильевич плакал и среди кучки единомышленников скрипел зубами:

– Покатятся и их головушки, придет пора!

Но бунтовщика из него не получилось: после тридцати лет он стал бражничать и едва не прокутил все богатства, собранные его предками.

От этого Дмитрия Васильевича произошел прапрадед Бориса Николаевича – Кирилл Дмитриевич. С детства болезненный, он тем не менее являл стойкий и боевой характер. Горячий поклонник Наполеона и столь же пламенный ненавистник Романовых, он, однако, участвовал в Бородинском сражении, в котором погиб геройски, защищая нелюбимую Россию от наполеоновской Франции, пред которой восторженно трепетал.

Ровесник Пушкина, прадед Бориса Николаевича, Василий Кириллович, как и его отец, слывший отъявленным галломаном, никогда не имел склонности к военной карьере, писал стихи и считал свои окропленные вдохновением строки во сто крат лучше пушкинских. Он даже издавал свои произведения под ярким псевдонимом Аполлон Трубящий, но их почему-то никто не ценил, не читал, не хвалил.

– Немудрено, – говорил Василий Кириллович, – коли в Отечестве нашем процветают ничтожества с бакенбардами.

Поэтические сборники Аполлона Трубящего «Марево зари», «Туманы и росы», «Песня соловья», «Колокол надежды», поэмы «Веспасиан» и «Калигула», роман в стихах «Олег Печенегин» и другие сочинения так и не вошли в сокровищницу русской литературы – точнее, как он уверял, вошли, но в ту заветную кладовую поэзии, которую откроет и войдет в нее один только Господь Бог. Ведь недаром Он спас поэта от участия в восстании на Сенатской площади, куда тот стремился попасть: по пути ему перешла дорогу баба с пустыми ведрами, и он вернулся домой. Не то бы делить ему сибирские уроки с другим Трубецким, известным декабристом. А так он остался в городе на Неве и продолжил свое соперничество с «потомком негров безобразных».

Автора непризнанных толпою шедевров неизменно утешала и поддерживала любящая супруга Елизавета Семёновна, которую он ласкал семейной присказкой:

– Лизавета, Лизавета, моя сладкая конфета.

Она была намного моложе своего мужа, и если Василий Кириллович родился в один год с Пушкиным, то дедушка Бориса Николаевича появился на свет как раз в тот год, когда солнце русской поэзии закатилось, подстреленное на Чёрной речке французским шуаном. И, как ни странно, ненавидя своего соперника, Аполлон Трубящий дал новорожденному сыну имя Александр. Впрочем, как видим, подобные противоречия нередко проявлялись в семействе Трубецких.

Василий Кириллович стал автором нового презрительного прозвища Романовых:

– Что может быть путного в России, покуда в ней царят ромашки! – произнес он однажды, и домочадцы мгновенно с восторгом подхватили новую цветочную классификацию царствующей династии.

При нем же в семействе Трубецких галломания сменилась англomанией, в доме заговорили по-английски, обращались друг к другу только на «вы», носили платья исключительно лондонского покроя, ели бифстейки, порридж, «фиш», пили не чай, а «ти», не молоко, а «милк», не пиво, а стаут или эль, неукоснительно соблюдали «файф-о-клоки», а когда дождь лил как из ведра, у Трубецких он падал кошками и собаками. В церковь ходить окончательно перестали, поскольку православие немедленно нуждалось в реформе по образцу англиканства во главе с архиепископом Кентерберийским – в русском варианте такой фигурой мог бы стать митрополит Александрo-Невский, а пока таковой нет, то и ретроградские русские храмы следовало «to ignore». Вместо «Боже, Царя храни! Сильный, державный...» Трубецкие пели «God, save and shield the Tsar, mighty and sovereign...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.